

PARTI COMMUNISTE INTERNATIONAL

Le Proletaire Programme Communiste

Il Comunista El Programa Comunista

**ЧТО ТАКОЕ
ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНАЯ
КОММУНИСТИЧЕСКАЯ
ПАРТИЯ**

PARTI COMMUNISTE INTERNATIONAL

Le Proletaire Programme Communiste

Il Comunista El Programa Comunista

**ЧТО ТАКОЕ
ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНАЯ
КОММУНИСТИЧЕСКАЯ
ПАРТИЯ**

**Перевод с французского Медвецкий Е. А.,
Назаренко Ю. Ф.**

**Ростов - на -Дону
1999**

Предлагаемая брошюра представляет собой первое издание на русском языке статей Интернациональной Коммунистической Партии, известной на Западе как течение бордигистов.

Почтовые адреса
Интернациональной Коммунистической Партии

во Франции	в Швейцарии	в Италии
Editions Programme sta 3, rue Basse Combalot 69 007 Lion France Italia	Editions Programme Ch. de la Roche 3 1020 Renens Suisse	Il Communi- C. P. 108 35 20 110 Milano

Содержание.

1. Что такое Интернациональная Коммунистическая Партия	4
2. Революция и контрреволюция в России	19
3. Критика теории "деформированного рабочего государства"	51
4. Программа Интернациональной Коммунистической Партии	105

Что такое интернациональная коммунистическая партия.

Каждый номер периодических изданий нашей партии публикует следующую формулу:

То, что отличает нашу партию: отстаивание курса, который идет от Маркса к Ленину, к созданию Коммунистического Интернационала и Коммунистической Партии Италии (Ливорно, 1921г.); борьба левых коммунистов против перерождения Интернационала, против теории “социализма в одной стране” и сталинской контрреволюции; отказ от Народных Фронтов и блоков Сопротивления; трудная задача воссоздания революционной теории и революционной организации, связанной с рабочим классом, против электоралистской политики и политики отдельных личностей.

1. Эти синтетические формулы обозначают *ориентацию*, они не претендуют на то, чтобы ее иллюстрировать. В то же время отличительная черта нашего движения сразу бросается в глаза: для нас, в отличие от целой мириады “обновителей” марксизма, существует **непрерывная, неизменная и незыблемая** линия, которая определяет то, что мы, вместе с Марксом, называем **исторической партией** – то есть научная теория и общая программа коммунизма со времени ее возникновения в 1848 г. – именно потому, что эта последняя преодолела взлеты и падения, отступления и продвижение вперед, редкие, но славные победы, многочисленные и катастрофические поражения рабочего класса на трудной дороге его освободительной борьбы. Эта линия отражает не *временную* и, зачастую, *противоречивую* позицию той или иной фракции пролетариата в тот или иной момент времени, в том или ином месте, а направление, которое пролетариат в целом, в международном масштабе, должен с необходимостью принять, исходя из своего положения подчиненного и эксплуатируемого класса, чтобы прийти к положению класса *господствующего*, а затем, во всех странах мира, и к упразднению всех классов, к коммунизму. Эта линия, которая объединяет прошлое и настоящее рабочего класса с его будущим – и которая является ничем иным как теорией, программой, принципами революционного коммунизма – должна воплотиться в **формальную партию**, которая сделает ее безоговорочно своей, в организацию, которая ее защищает, сражается за нее и переводит ее в действие в

ходе классовой борьбы. Именно поэтому Маркс пишет в “Коммунистическом Манифесте”: “*Коммунисты борются во имя ближайших целей и интересов рабочего класса, но в то же время в движении сегодняшнего дня они отстаивают и будущее движения*”. [1]

Маркс и Энгельс борются в рядах I Интернационала с первой большой волной оппортунизма, который угрожает захватом формальной организации пролетариата: мелкобуржуазные и анархистские течения, защищающие автономистские, антицентралистские и антиавторитарные концепции. Вторая волна оппортунизма, реформистская и социал-патриотическая, возникла внутри социал-демократических партий и окончилась крахом II Интернационала, несмотря на борьбу левых марксистов, лучшими представителями которых были Ленин и партия большевиков. Тогда как в большинстве социал-демократических партий оппортунистическое течение оказывалось в большинстве, парализуя марксистское течение во имя единства социалистов, в России, напротив, разделение между марксистами и оппортунистами становилось все более и более резким пока не привело, вследствие бескомпромиссной борьбы, к расколу рабочей партии на две противостоящие организации, большевиков и меньшевиков. Благодаря этой грандиозной теоретической, политической и практической борьбе, классовая партия смогла оказаться на высоте своих исторических задач, когда революционная ситуация привела массы в движение; под ее уверенным руководством в Октябре победила революция. Создание Коммунистического Интернационала в момент резкого подъема Октябрьской революции было восстановлением формальной международной организации пролетариата при полной верности исторической партии.

В Италии, слабой империалистической стране, где социальная напряженность регулярно проявлялась через волны забастовок и бунтов, Социалистическая Партия (ИСП) испытала эволюцию, в некоторой степени близкую к той, которую пережила русская партия. Явные реформисты были исключены из партии, руководство которой перешло к левым перед самой войной. В то же время, крайне левое течение, под руководством Бордиги, сформировалось среди Молодых социалистов; в годы, предшествовавшие первой мировой войне, оно вело, в частности, важное теоретическое и политическое сражение

против тех, кто поддерживал идею, что распространение культуры среди пролетариата было основным условием его освобождения.

В отличие от значительного большинства партий II Интернационала и несмотря на давление буржуазии, ИСП не примкнула к "Священному Союзу" с буржуазией, когда Италия вступила в войну. Однако руководство партии повело двусмысленную политику, неревolutionную по отношению к империалистической войне: "Ни поддерживать, ни саботировать". Именно из оппозиции к такой ориентации и к колебаниям центристского большинства партии начало формироваться оппозиционное марксистское течение в ИСП. Руководство ИСП приветствовало Октябрьскую революцию и даже вступило в Коммунистический Интернационал. Но внутри нее, крайне левые марксисты, после своей неудачи на съезде в Болонье (октябрь 1919г.) создали **Фракцию Коммунистов-Абстениционистов**, которая ратовала за бойкот выборов для того, чтобы порвать со старыми парламентаристскими, легалистскими и демократическими традициями и встать на путь **подготовки революции** с тем, чтобы подготовить создание подлинно коммунистической партии.

Создание Коммунистической Партии Италии в результате раскола ИСП в январе 1921 г., итог борьбы марксистского течения **левых коммунистов** в ИСП, приобретает особое историческое значение в силу того, что КП Италии была, в развитых капиталистических странах, единственной партией, которая конституировалась на всецело марксистской основе и в результате систематической борьбы против всех постепенных, советистских и пацифистских отклонений, демократических и парламентских иллюзий. Именно поэтому она была, в первое время, представлена Интернационалом как пример для подражания, прежде, чем ее оценили как "слишком левую", а затем, когда процесс перерождения Интернационала стал необратимым, как "самую большую победу реакции" (А. Грамши).

2. Борьба левых коммунистов против перерождения Интернационала.

Третья историческая волна оппортунизма, которую Левые коммунисты Италии первыми распознали и, трагически, в одиночестве, против которой последовательно боролись, быстро пробила брешь в программной и теоретической структуре Интернационала и начала

искажать его политическую деятельность, его тактику и его организационную работу.

На втором Конгрессе Коммунистического Интернационала, Левые, которые были еще только тенденцией в ИСП, выступили за то, чтобы сделать более строгими условия приема в Интернационал (Бордига настоял на принятии 21-го условия, которое предусматривало исключение активистов-некоммунистов); они выступили против тактики так называемого "*революционного парламентаризма*", предупреждая большевиков, что демократические и парламентские иллюзии, глубоко укоренившиеся среди западного пролетариата, требовали тактики **более непреклонной**, не оставляющей места двусмысленностям по поводу возможности использовать буржуазную демократию для освобождения пролетариата. Левые боролись против иллюзий, согласно которым было возможно завоевать широкие пролетарские массы, еще находящиеся под влиянием реформистских партий, посредством все более "дерзких" маневров, которые входили, в действительности, во все большее противоречие с принципами и программой коммунизма: **политический** Единый Фронт между коммунистическими и реформистскими партиями (вместо тактики Единого Фронта **снизу**, чтобы объединить в непосредственной борьбе рабочих активистов, к какой бы партии они не принадлежали), который ограничивал необходимую политическую независимость пролетарской партии; лозунг "рабочего правительства" (вместо диктатуры пролетариата), который оставлял открытой возможность правительственной коалиции социалистических и коммунистических партий и в рамках буржуазного государства; искусственное увеличение численности коммунистических партий через их слияние с целыми частями социал-демократических партий (несмотря на катастрофический пример Венгрии); допуск в Интернационал "симпатизирующих партий", замешанных на реформизме и т.д..

Левые боролись против использования Интернационалом чисто организационных или административных методов (известных под названием "*большевизации*") для избавления от общей политической слабости коммунистических партий, политической слабости, происходящей из незавершенного марксистского характера их организационной структуры и их действий; они воспротивились реорганизации партий на основе ячеек на предприятиях, которые под предлогом

“пролетаризации” партий ограничивали кругозор рабочих активистов их собственным заводом и превращали политические вопросы в монополию аппарата функционеров. Они противопоставили фракционности и методам “идеологического террора”, которые находили все более частое применение для разрешения повторяющихся кризисов этих партий, здоровую коммунистическую концепцию **органической централизации**, основанной на политическом единстве и на максимально возможной взаимосвязанности между программой партии и ее практической деятельностью, а не на фракционных маневрах.

Общее давление революционных задач в России, которые, принимая во внимание экономическую и социальную отсталость страны, в значительной степени носили **буржуазный** характер, задержка в образовании коммунистических партий, прочно стоящих на почве марксизма, в ведущих капиталистических странах, в сочетании с чудовищным сопротивлением капитализма, который нашел в себе силы перейти в контрнаступление как в экономическом, так и в политическом и военном плане, объективно создали точки опоры, на основе которых развивался, сначала через колебания, тактические и организационные неточности, затем через политические позиции, чуждые идеологии левых марксистов, разлагающий курс Интернационала, который привел в 1926 г. к его превращению в инструмент внешней политики Советского государства после победы контрреволюции, получившей название “сталинской”, под знаменем “социализма в одной стране”.

3. “Завоевание большинства” пролетариата открыло дверь концепциям демократического типа и трансформировалось в завоевание большинства избирателей; “*единный политический фронт*” с другими “*рабочими*” партиями, с целью противостояния наступлению капитализма, тактика которого говорила о том, что Интернационал надеялся вырвать пролетариев из-под влияния социал-демократических партий, трансформировался в “народные фронты”, открыто созданные в поддержку буржуазной демократии, затем – в антифашистские фронты, которые служили для мобилизации пролетариата на вторую мировую войну.

Формула “*рабочего правительства*” (и еще хуже формула “*рабоче-крестьянского правительства*”) была изначально представлена как простой синоним диктатуры пролетариата, которая, согласно мнению

руководителей Интернационала, должна была облегчить пропаганду среди пролетарских масс, еще подверженных демократическим иллюзиям. Однако на практике она вылилась в создание коалиционных правительств социалистов и коммунистов или социал-демократических правительств (Германия), в полной противоположности с тем, что означает диктатура пролетариата: власть, рожденная революцией на руинах буржуазного государства.

Организационные маневры по слиянию коммунистических и реформистских партий и допуск “симпатизирующих” партий, далекие от того, чтобы ускорить революционное движение на Востоке и Западе, вылились в паралич коммунистических партий, вовлеченных в буржуазные партии (Китай), а затем, когда победил сталинизм, в отказ от коммунистической перспективы во имя “национальных путей к социализму”.

Разлагающий процесс, который полностью изменил природу Коммунистического Интернационала, не мог не изменить коренным образом метод его деятельности и внутренней организации. Централизм, абсолютно необходимый для коммунистической организации, тем более, что она интернациональна, обернулся против Левых коммунистов в Италии (и против всякой левой оппозиции, например, против Троцкого), отстраненных в 1923 г. от руководства КП Италии (назначение Интернационалом послушного руководства Грамши – Тольятти после ареста Бордиги и других руководителей Левых), в идеологическом и материальном давлении, в обвинениях во фракционности и в постоянной угрозе исключения, с тем, чтобы заставить замолчать оппозицию ошибочным директивам Интернационала. Впоследствии идеологическое давление и бюрократические методы трансформировались в кровавый сталинский террор, целью которого было сломить партию изнутри, используя государственную власть для того, чтобы сломить посредством десятков тысяч убийств сопротивление, которое велось во имя возврата к революционному марксизму и к великим ленинским и большевистским традициям Октябрьской революции. Революционный централизм трансформировался в администрирование военного типа – против которого Левые всегда боролись, не требуя “больше демократии”, но требуя возврата к централизму коммунистическому, “*органическому*” – затем в централизм контрреволюционный.

4. Против теории “социализма в одной стране” и сталинской контрреволюции.

Разрыв с принципами и программой коммунизма был завершен, когда российская власть провозгласила, что ее существование и ее будущее не связано больше с победой пролетарской революции во всем мире (или, по крайней мере, в наиболее важных капиталистических странах, как это утверждали Ленин и Троцкий); в то же время появились теоретизирования о “мирном сосуществовании” государств “противоположной” социальной природы. Контрреволюция вершила свое грязное дело посредством идеологического террора, который принуждал к слепому послушанию, публично оскорбляла упорствующие элементы, принуждая их к бесполезной самокритике под угрозой исключения из партии и клеймя их как предателей, вплоть до признаний, к которым принудили великих революционных вождей прежде, чем они были уничтожены в сталинских чистках как и сотни тысяч коммунистических пролетариев, оставшихся неизвестными.

Победа этой интернациональной оппортунистической волны характеризовалась злоупотреблением методами дисциплинарного принуждения, которые сначала разгромили партию изнутри, а затем полностью разрушили ее теоретические, программные и политические характеристики как коммунистической партии.

Нельзя быть полностью уверенным, что международная пролетарская революция могла бы победить в этот исторический период, если бы Коммунистический Интернационал не потерял свой марксистский ориентир. Но даже в случае поражения перед лицом более сильного буржуазного врага верность интернациональной партии в коммунистической политике и программе облегчили бы возобновление классовой революционной борьбы во время социально-экономических кризисов, которые не могли не нанести удар мировому капитализму. Именно с четким сознанием этого, Ленин, перед лицом возможной перспективы длительного периода стабилизации капитализма, написал в 1921 г. эту знаменитую фразу: *“10 – 20 лет правильных соотношений с крестьянством и обеспеченная победа в всемирном масштабе (даже при затяжке пролетарских революций, кои растут), иначе 20 – 40 лет мучений белогвардейского террора”* [2]; а Троцкий, поддержанный с флангов Каменевым и Зиновьевым, вел большое сражение в 1925 г. на XIУ съезде партии и в 1926 г. на VII расширенном пленуме Исполкома

Интернационала против притязаний на “строительство социализма” в России, утверждая, что при условии сохранения правильной позиции, пролетарская власть могла бы сопротивляться в течение 30 – 50 лет, время, которое необходимо для победы международной коммунистической революции.

Постепенно ослабляя связь между определением тактических возможностей и организационных методов и теоретическими и программными основами Коммунистического Интернационала, в конце концов пришли, как об этом и предупреждали с 1920 г. Левые коммунисты Италии, к полному разрыву с марксизмом, единственным проводником революционного пролетариата и его классовой партии. 1926 год, вместе с победой сторонников теории социализма в одной стране в русской партии и в Интернационале, ознаменовал собой и завершение процесса, против которого Левые коммунисты боролись с самого начала. Третий (Лионский) съезд Коммунистической Партии Италии мог, наконец, собраться, “большевизация”, позволив руководству надеть намордник на Левых, которые, однако, до этого были в партии в большинстве (впоследствии течение Левых коммунистов могло выражать свои мысли только вне Италии и вне коммунистической партии в форме “Левой Фракции”). Фашистское наступление не удалось разбить на классовой почве, силами пролетариата, из-за ошибки в анализе этого направления – который видел в нем добуржуазное движение и движение крупных земельных собственников: новая ориентация, превозносившая союз с социал-демократами, а затем и с буржуазными демократами для защиты демократических институтов, парализовала рабочий класс и дезориентировала его авангардные слои.

Поражение революции в Китае, подавление рабочего движения и разрушения его молодой, но мужественной коммунистической партии в 1927 г., как и, на другом конце планеты, провал всеобщей забастовки в Великобритании были двумя поражениями пролетариата, ответственность за которые полностью лежит на антибольшевистской сталинистской политике политического фронтизма (подчинение коммунистической партии буржуазно-националистическим силам в одном случае, подчинение оппортунизму тред-юнионистских руководителей, продавшихся буржуазии, в другом). Следствием этих двух исторических поражений стали еще большие трудности в деле возоб-

новления революционной борьбы международного пролетариата и усиление влияния сталинистского курса в партиях и в Интернационале, все более трансформируя их в послушный инструмент внешней политики Советского государства.

В течение нескольких лет (так называемый “третий период”, 1929–1933 гг.) коммунистические партии следовали политике ложно именуемой “левой”, предназначенной, в действительности, для предотвращения всякого появления солидной оппозиции перерождению коммунистического движения и которая усиливала деморализацию в рядах пролетариата. Она была отмечена теорией “социал-фашизма”, согласно которой социалистические партии трансформировались в фашистские и становились первыми врагами пролетариата. Эта ориентация обернулась в Германии общими акциями Коммунистической партии и нацистов против социал-демократов. Линия “социал-фашизма” оспаривалась Левыми коммунистами Италии не потому, что они ратовали, как Троцкий, за альянс с социал-демократами в рамках Единого политического Фронта, а потому, что политика сталинистов мешала всякому единству действий пролетариев снизу, противопоставляла безработных еще занятым рабочим и, следовательно, парализовала рабочий класс перед лицом буржуазии (нацизма).

5. Отказ от Народных Фронтов и блоков Сопротивления.

После этого краткого периода сталинизированный Интернационал резко изменил курс вследствие победы нацизма и подавления пролетарского движения в Германии; он принял в 1934 г. политику “Народных Фронтов”: союз был предложен не только социал-демократическим партиям, еще недавно разоблачаемым как худшие, чем фашизм, но и партиям полностью буржуазным; целью этих союзов было не вовлечение этих партий в революционную пролетарскую борьбу, что, очевидно, невозможно, а использование коммунистических партий для реакционной цели защиты буржуазно-демократического государства. Это был открытый возврат к классовому сотрудничеству, который привел партии II Интернационала к предательству и катастрофе. Как и последние III Интернационал и коммунистические партии окончательно превратились в контрреволюционные организации. В Испании Народному Фронту, объединившему сталинистов, социалистов и анархистов, удалось задушить ростки

пролетарской борьбы прежде чем заключить в тюрьму и уничтожить революционеров во имя защиты Республики от армий Франко; во Франции у Народного Фронта, объединившего сталинистов, социалистов и буржуазных демократов, было меньше трудностей для того, чтобы канализировать и обесплодить всеобщую забастовку мая – июня 1936 г..

Неизбежное завершение этой ориентации было дано в период второй мировой войны. В эффектном повороте СССР подписал сначала альянс с фашистскими государствами, приветствуемый всеми сталинистскими партиями, которые накануне призывали к формированию этих Народных Фронтов против фашизма. Главным врагом был больше не фашизм, угрожающий демократии, а демократические империалистические государства, толкающие к войне, чтобы защитить свое мировое господство. Для того, чтобы оправдать изменение ориентации и закамуфлировать их услужливое равнение на внешнюю политику Советского государства, коммунистические партии демократических империалистических государств вернулись, чисто внешне, к прежде отвергнутой ориентации Ленина и пролетарского интернационализма, политике *революционного пораженчества*. Но это было лишь мистификацией, потому что с началом войны между СССР и Германией коммунистические партии на следующий же день оставили ленинские лозунги, и точно также как оппортунисты социал-демократы во время первого мирового конфликта, они призвали пролетариев участвовать в войне для защиты буржуазной демократии.

“Священный союз”, во имя которого в 1914 г. оппортунизм требовал пролетариат на империалистическую войну, принял в государствах, оккупированных силами стран Оси, форму **Блоков Сопротивления**, объединивших сталинистов, социал-демократов и националистов для исключительно буржуазных целей. Пролетарии, которые присоединялись к партизанской борьбе, становились таким образом солдатами одного из воюющих империалистических лагерей, а не бойцами мировой революции. Вместо того, чтобы ориентировать их на борьбу за интересы их собственного интернационального класса, новый сталинский оппортунизм заставлял их проливать кровь за интересы одной из коалиций мировой буржуазии; и он не колебался в безжалостной ликвидации тех, кто мог бы быть препятствием для этой контрреволюционной политики.

Во имя "защиты СССР", который оно всегда рассматривало как рабочее государство, троцкистское движение оставило ленинские принципы "революционного пораженчества"; за редким исключением и несмотря на дику враждебность сталинистов, оно попыталось интегрироваться в блоки Сопротивления и приветствовало военные успехи "Красной Армии" как успехи пролетарской революции, что привело его к оценке, что новые режимы, установленные русскими оккупационными войсками в Восточной Европе также были рабочими государствами, рожденные "деформированными" и "вырождающимися". Борцы, вышедшие из Левых коммунистов Италии, были почти единственными в мире, кто защищал коммунистические классовые позиции.

6. Трудная задача воссоздания революционной теории и революционной организации.

В начале 30-х годов активисты Левых коммунистов Италии, оказавшиеся за границей, организовали Левую Фракцию Коммунистической Партии Италии и составили часть международнойлевой Оппозиции, участвовавшей в группировке, которую основал изгнанный из СССР Троцкий. Но наши разногласия и его критика были причиной того, что Фракция была административным способом исключена из этой группировки в 1932 г., как первый шаг к его попытке (неизбежно неудачной) составить новый Интернационал, собирая различные центристские партии.

Далекий от того, чтобы подвести итог слабостям и ошибкам Коммунистического Интернационала, которые вызвали его разложение, что было условием для восстановления на прочной основе партийной организации, Троцкий, великий марксист, но ослепленный желанием переломить в самый краткий промежуток времени неблагоприятный ход развития международной ситуации, восстановил и усугубил эти ошибки: Единый политический Фронт с социал-демократами, защита демократии, постоянное маневрирование (с полным изменением тактики со дня на день), фракционная борьба, установленная как правило функционирования организации, одним словом безудержный активизм (т.е. активность, не связанная с программой и принципами), грустным завершением которого был энтризм, вхождение в социал-демократические партии в надежде рекрутировать там себе сторонников и завоевать для революционеров

какую-то сферу влияния, которой не давала им объективная ситуация. Наконец, полностью признавая, что рабочий класс потерял власть в СССР, и что сталинский режим установил там жестокую диктатуру, которая может быть разбита только революцией, Троцкий считал, что речь все равно шла о **рабочем государстве**, пусть и **деформированном**, **защита** которого против мировой буржуазии — долг международного пролетариата, тогда как активисты Фракции справедливо считали, что после потери власти нет более ничего пролетарского, что можно было бы защищать в Советском государстве и что последнее интегрировалось в мировой империалистический порядок: следовательно — не защита СССР, а революционное пораженчество было правильной тактикой в случае войны.

Троцкистское движение не могло найти решение проблемы восстановления революционной партии; недооценивая глубину поражения пролетариата оно верило в возможность остановить контрреволюцию соответствующей тактикой, умелыми и дерзкими маневрами. Но историю перехитрить невозможно: разрушая живую связь между принципами, программой и действиями, жертвуя (даже на короткое время) своей политической независимостью в надежде на немедленный успех, троцкистское движение не было в состоянии изменить объективные и субъективные факторы, неблагоприятные для революции; напротив, оно само разрушалось в качестве коммунистического движения, вновь впадая в разновидность оппортунизма, для которого *движение — это все, а цель — ничто*. Именно это и произошло, когда Троцкого уже не было в живых для того, чтобы остановить своих последователей на скользком склоне, который он сам же им и указал.

В этот период нарастающей контрреволюции, если активисты Фракции, опираясь на опыт боев Левых в партии и Интернационале, смогли избежать ошибок троцкистского движения и защитить, идя против течения и во все возрастающей изоляции, свои основные позиции, им, в то же время, не удалось удержать в целом правильные программные позиции (например, по вопросу национально-освободительной и антиколониальной борьбы, поскольку считали, что ее эпоха закончилась): когда разразилась война, Федерация Левых Интернациональных Коммунистов — новое название Фракции после вступления в нее активистов, порвавших с троцкизмом во Франции и Бельгии — была парализована политическими затруднениями.

В Италии фашистские репрессии сделали к тому времени политическую деятельность невозможной. Но в 1943 г., после волны забастовок, которая показала некоторое пробуждение пролетариата, руководящие буржуазные круги, сознающие, что война со стороны Германии проиграна, спровоцировали смещение Муссолини и образование нового правительства с целью подготовить переход в противоположный лагерь. В течение 43 дней существования этого правительства (свергнутого немецкими войсками, которые восстановили власть Муссолини) политические заключенные были освобождены, репрессии ослабли, позволив вернуться многим активистам Фракции. Таким образом на севере Италии удалось сформировать *Интернационалистическую Коммунистическую Партию* (в условиях немецкой оккупации) на основе позиций Левых коммунистов. В 1945 г. окончание войны позволило установить контакт и объединиться с товарищами, которые организовались по другую сторону фронта, в южной половине страны (в условиях англо-американской оккупации). Неизбежное политическое замешательство, особенно после более двух десятилетий фашизма, давления и репрессий со стороны сталинизма, не только в России, но и во всех странах, не пощадило, между тем, и ряды тогда относительно многочисленной Интернационалистической Коммунистической Партии. Широкие усилия по политическому, программному и теоретическому просвещению становились необходимыми; но расхождения с теми, кто не видел интереса в такой работе и кто воплощал собой отклонение активизма, привели к образованию двух течений в партии, а затем и к расколу, который и дал рождение нашей организации в 1952 г.. Позже она взяла название **Интернациональной Коммунистической Партии** для того, чтобы обозначить, что будущий Интернационал должен быть настоящей международной партией, а не федерацией национальных партий, которой был еще Коммунистический Интернационал, этот высший уровень централизации необходим для того, чтобы соответствовать высшему уровню объединения и международной централизации классового противника. И с самого начала, со своей эмбриональной фазы партия должна стараться организоваться в международном масштабе.

Характеристические тезисы (условия приема в партию), датированные концом 1951 г., фиксируют направление комплексной реставрации марксизма, восстанавливают доктринальные основы, установлен-

ные в предыдущие годы, отстаивают принципиальные программные тезисы Интернационала в момент его создания, вклад Левых коммунистов Италии в Интернационал в 1920 – 26 гг., также как и динамичный итог 25 последующих лет, начиная с анализа России в качестве капиталистического государства во всех его аспектах. Вот с этим багажом новая организация, уменьшившаяся до маленькой горстки борцов, смогла принять твердую и однородную ориентацию и развивать свою деятельность в течение следующих десятилетий. До конца 60-х годов эта деятельность сводилась, в основном, к терпеливому восстановлению основных направлений неизменной марксистской теории во всех областях, исторической интерпретации событий, а именно волны революционных движений, которые смели колониальную систему, защите революционной перспективы и всего теоретического, политического, тактического и организационного оружия, составляющего часть коммунистического достояния.

Партия должна была не только разрушить реакционный миф о социализме в России и сталинистские и постсталинские установки. Она была обязана также бороться с антимарксистской реакцией на сталинизм и постсталинизм: течения, претендующие на “обогащение” и “улучшение” марксизма старыми демократическими, либертарными, автономистскими и антицентралистскими суевериями, мелкобуржуазные тенденции герильеризма и терроризма (такие как “Красные Бригады”, сторонники искусственного, волюнтаристского развязывания вооруженной борьбы), сверхвыродившиеся наследники троцкизма, все разнообразие течений антипартийной стихийности или волюнтаристских иллюзий. Она старалась бороться со всеми формами буржуазной идеологической инфекции: от демократического суеверия до лицемерного возвеличивания индивидуальности в обществе, которое подавляет большинство индивидуумов и организует культ “великих людей”, до веры в неограниченный прогресс и неоспоримые добродетели буржуазной науки и культуры.

В 70-е годы ситуация позволила сделать менее эпизодическим и менее нерегулярным участие партии в борьбе рабочих и расширить свое влияние. Но тогда же появился ряд проблем и затруднений. Вокруг профсоюзного вопроса. Следствием кризиса был отход в 1972 г. группы активистов, которые механически, в исторически отличный период, возобновили ориентацию Коммунистической Партии Италии

в начале 20-х годов (защита и завоевание существующих профсоюзов). Особенно серьезный кризис 1982 г., обязанный своим происхождением слишком оптимистической оценке международной ситуации и того, что от нее можно было ожидать, разгромил небольшую международную сеть партии, принуждая к терпеливому восстановлению международной организации.

Интернациональная Коммунистическая Партия ориентирует свою теоретическую, политическую и практическую работу на восстановление **революционного органа** рабочего класса, **коммунистической, интернационалистической и международной партии** завтрашнего дня, солидно укоренившуюся в неизменном фундаменте марксизма, извлекающей уроки из революций и контрреволюций прошлого и верная цельной коммунистической программе. Этот труд даст свои плоды только тогда, когда назревание объективной ситуации толкнет, и не в одной стране, авангардные слои пролетариата к перегруппировке на этих основах: многочисленная, действующая классовая партия не может быть создана искусственным способом, в любой ситуации и на основе беспринципных методов и маневров; но ее создание не должно быть предоставлено случаю одной лишь стихийности будущего массового движения. По крайней мере ядро, эмбрион этой партии, должно быть создано заранее, не дожидаясь, для того, чтобы завтра революция не потерпела нового поражения по причине отсутствия или неготовности классовой партии.

Такая работа, которая требует вклада активистов пролетарского авангарда всех стран, мыслима лишь в интернациональном масштабе. Распространение наших текстов на различных языках – это первый шаг в этом направлении.

Примечания:

1. К. Маркс, Ф. Энгельс, ПСС, т.4, стр.458.
2. В. И. Ленин, ПСС, т.43, стр.383.

Революция и контрреволюция в России

Введение к первому французскому изданию

Все более резкое нарастание межимпериалистических противоречий в международном масштабе не обходится без разоблачения, с каждым днем все большим, природы СССР, столь же империалистической, как и природа западных держав. Последним по времени примером была, без сомнения, прямая военная интервенция СССР в Афганистане. Мы предоставляем, следовательно, ревизионистским партиям *made in Москва* и троцкистам, которые все еще считают русское государство "*деформированным рабочим государством*" право на неблагодарный труд по представлению экономики и политики России как некапиталистических.

Повсюду в мире буржуазия постаралась воспользоваться поражением революционной волны 1917-1923 годов и перерождением Октябрьской революции в России для того, чтобы побудить пролетариат отказаться от борьбы за пролетарскую революцию и социализм, поскольку пример "реального социализма" якобы наглядно показал ему невозможность выхода из сферы действия законов рынка, отношений найма и прибыли, и что эта тщетная попытка привела лишь к новой форме политического угнетения.

В капиталистических странах Запада буржуазная пропаганда сводится к тому, что призывает пролетариат ограничиться борьбой за проведение *реформ* в рамках капиталистического способа производства и *расширения демократии*.

В большинстве так называемых "неприсоединившихся" государств "национальная" буржуазия, особенно в тех случаях, когда она выполнила задачи национального антиимпериалистического периода, использует политическую и идеологическую потрепанность пропаганды русского социал-империализма для проповеди так называемого "третьего пути", который не был бы ни капиталистическим ни коммунистическим. В этих странах пропаганда мелкобуржуазных и необуржуазных движений сводится к призыву к пролетариату и массам угнетенных вести их борьбу в рамках строительства "национального социализма", учитывающего "особенности каждой страны". Все это, конечно, под предлогом, что Октябрьская

революция привела к “новой форме” эксплуатации и “новой форме” империализма.

В данном случае мы имеем дело с грубой ложью, имеющей целью парализовать действия пролетариата, его освободительную борьбу. В действительности, не Октябрьская революция породила русский социал-империализм, но скорее сталинская контрреволюция, победа которой в России означала физическое уничтожение старой большевистской гвардии и ликвидацию *политических завоеваний* Октября, которая дала жизнь великорусскому капиталистическому государству, доводя до логического конца старые империалистические тенденции царской России.

Революционные активисты, желающие бороться за *настоящий*, т.е. *научный социализм*, и молодежь, у которой пробуждается интерес к теоретическим и историческим вопросам эмансипации пролетариата, жаждут сегодня понять, как самая победоносная революция в мире, которую когда-либо смог совершить пролетариат, оказалась, в конечном итоге уничтожена контрреволюцией, самой большой подлостью которой было представлять себя трудящимся всего мира в обличье социализма.

В ожидании переиздания наших партийных документов, посвященных этой теме и тираж которых на сегодняшний день к сожалению разошелся, мы надеемся дать нашим читателям обобщенный ответ на вопросы, которые они себе ставят, воспроизводя здесь серию статей, опубликованных в нашей газете *"Le Proletaire"*, выходящей два раза в месяц на французском языке.

февраль 1981 г.

Двойная революция

В начале века в России явно сложилась революционная ситуация. Но все марксисты соглашались в том, что революция, стоящая на повестке дня в России, вначале будет буржуазно-демократической.

Сама потребность выживания диктовала царскому самодержавию необходимость допущения и даже поощрения определенного развития капитализма в недрах государственного феодализма. В сельском хозяйстве общинные формы “мира” были подорваны отме-

ной крепостного права и развитием товарного производства, и, как показал Ленин в 1894 г., введение частной собственности, меркантилизм и классовое расслоение крестьянства стали отныне необратимыми. Однако это развитие оставалось фрагментарным, будучи стесненным путами феодального права, старыми формами собственности и ответственности, в силу паразитизма земельных собственников и т.д. Русскому крестьянству нужно было смести все эти препятствия, твердо охраняемые самодержавием.

В промышленности само царское государство поощряло определенное развитие для обеспечения хотя бы минимального производства вооружений. Однако внедрение промышленности ограничивалось несколькими крупными центрами. Буржуазия получала определенную выгоду от угнетения рабочих феодальным государством, но в свою очередь страдала от недостатка свободы действий, недостатка автономии и отсутствия контроля над властью и администрацией.

Одним словом, развитие капитализма уже подорвало и разложило старые формы производства и социальные структуры, однако развитие новых было блокировано царизмом. В результате возникла такая ситуация перманентного социального и политического кризиса, что все классы жаждали перемен: “Сегодня даже великие князья становятся революционерами”, - скажет Ленин в 1905 году.

Однако если разные классы были революционными, то были они таковыми в разной степени и преследовали при этом различные цели. Дело в том, что в данной обстановке *буржуазной* революции пролетариат имел такой вес и такую степень самостоятельности, какую он не имел ни в Англии XVII века, ни во Франции XVIII-го, ни даже в Германии в 1848 г. Следовательно, не удивительно, что русская буржуазия показала себя еще более трусливой и нерешительной, чем немецкая. Она, конечно, хотела избавиться от царизма, феодальных собственников, паразитической бюрократии и т.д. и располагать властью. Но она боялась, что не сможет удержать под своим контролем крестьянство, а тем более пролетариат: она отступала перед опасностью революции, которая вовлечет в борьбу народные массы, она мечтала о постепенном “реформировании” феодального государства в буржуазном направлении. Только поражение царизма в войне приведет ее к революции и она

постарается удержать ее под своим контролем для того, чтобы установить буржуазную республику.

Трусливость буржуазии, ее отказ от выполнения собственных революционных задач сделали ее неспособной удержать под своим руководством радикальные мелкобуржуазные, прежде всего крестьянские, массы, которые стремились освободиться от ига помещиков и царской бюрократии, которые хотели земли и свободы и которые действительно были революционными, но вопреки иллюзиям их политических руководителей, они были таковыми только по отношению к *докапиталистическим* структурам и отношениям.

В этой ситуации русская социал-демократическая партия раскололась на три течения. Поскольку Россия еще не созрела для социализма, а революция, стоявшая в повестке дня, еще должна была выполнить задачи революции буржуазной, меньшевики отсюда делали вывод, что руководить революцией должна буржуазия, что пролетариат обязан эту революционную борьбу буржуазии поддержать, помочь ей свергнуть царизм, привести ее к власти... а затем перейти в оппозицию. До этого они отвергали всякую самостоятельную политическую(!) деятельность пролетариата под предлогом, что она может расколоть "единство" революционеров и толкнуть буржуазию на сторону царя.

Троцкий был прав, противопоставляя их доводам слабость, трусливость и, в конечном итоге, бессилие русской буржуазии и выступая за руководящую роль пролетариата даже в буржуазно-демократической революции. Отметим, в тоже время, что он был неправ, когда делал отсюда вывод, что отныне буржуазия была совершенно неспособной возглавить любую буржуазную революцию. К тому же подавление и ликвидация самостоятельного классового движения пролетариата со времен пятидесятилетней давности повсюду отстранили его от руководства демократическими революциями, что не мешало буржуазии или ее предшественникам возглавить эти революции повсюду, даже несмотря на свою слабость и непоследовательность. Доводя позицию Троцкого до абсурда, некоторые из его последователей доходят до того, что вообще отрицают существование национально-демократических революций в 20-м веке или произвольно приписывают им пролетарский характер. Трудно

сказать, какая из этих двух глупостей имеет более пагубные последствия!

Вторая ошибка Троцкого заключалась в его толковании "перманентности" революции. Если даже было верным признание за пролетариатом руководящей роли в буржуазной революции, то неверно было делать из этого вывод, что это руководство позволит ему непосредственно перейти к социализму. Фактически Троцкий в 1905 году совершил ту же ошибку, что и меньшевики, когда он поставил вопрос о русской революции в национальных терминах. Россия не созрела для социализма, говорили одни, следовательно, пролетариат должен уступить руководство революцией и власть буржуазии. Русская буржуазия не способна совершить свою собственную революцию, отвечали другие (т.е. Троцкий и его сторонники), следовательно, осуществить ее должен пролетариат, и когда он будет у власти, он не "самоограничится" буржуазными мерами, но перейдет к социализму.

Большевики, напротив, рассматривали участие пролетариата в русской революции как часть его международной борьбы, также как Маркс и Энгельс это делали в Германии 1848 года. Именно в этом смысле, а не в смысле непосредственного перехода к социализму, говорили они о "перманентности" революции: "Нашим долгом и в наших интересах было бы придать революции непрерывный характер до того момента, когда пролетариат захватит власть в ведущих странах во всемирном масштабе", - писал Маркс в своем "Обращении" 1850 года.[1]

В Германии в этот период, как и в России в 1917 году, революции еще предстояло устранить докапиталистические отношения и она не могла сразу перейти к социализму. *Главной* целью было усиление борьбы пролетариата и его победа в более передовых странах. Так же, как Маркс и Энгельс, Ленин настаивал на различии между целями "*ближайшими и локальными*" и целями "*общими и интернациональными*". В то же время он напоминает, что: "социальным содержанием (заметьте: социальным содержанием) будущей революции в России может быть лишь революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства". Он решительно утверждает: "Задача пролетариата России - довести до

конца буржуазно-демократическую революцию в России, дабы разжечь социалистическую революцию в Европе" (ПСС, т.27, стр.49).

Мы можем процитировать здесь лишь некоторые из *многочисленных* высказываний (их десятки), в которых Ленин настаивает на "скромном" и несоциалистическом характере ближайших целей в России. На VII-ой партийной конференции в Петрограде в мае 1917 г. он заявляет: "Мы не можем стоять за то, чтобы социализм "вводить" - это было бы величайшей нелепостью. Мы должны социализм проповедовать" (заметьте: проповедовать). Вот от чего встанут дыбом волосы на головах у всех сторонников немедленного введения социализма: руководитель пролетариата ратует за взятие власти, но не за введение социализма! Но тогда, спрашивают они, зачем же брать власть? Ленин отвечает: "Советы Р. и С.Д. должны взять власть не для создания обычной буржуазной республики или непосредственного перехода к социализму. Этого быть не может. Для чего же? Они должны взять власть для того, чтобы сделать первые конкретные шаги к этому переходу, которые можно и должно делать." (ПСС, т.31, стр.356-357). Впрочем, эти шаги являются не национальной, но интернациональной задачей, как это подчеркивает Ленин в своем "Прощальном письме швейцарским рабочим" (1917): "Русский пролетариат не может одними своими силами победоносно завершить социалистической революции. Но он может придать русской революции такой размах, который создаст наилучшие условия для нее, который в известном смысле начнет ее. Он может облегчить обстановку для вступления в решительные битвы своего *главного*, самого верного, самого надежного сотрудника, *европейского* и американского *социалистического* пролетариата." (ПСС, т.31, стр.93; выделено Лениным).

В течение многих лет до, во время и после революции большевики повторяли, таким образом, что невозможно перейти к социализму в одной России. Но тогда, спрашивают в один голос меньшевики, анархисты, сталинисты и т.д., если невозможно было осуществить социализм в России, нужно ли было брать власть? И почему октябрьская революция получила название "социалистическая"? Наш ответ прост: *социалистический* характер Октября следует искать не в экономической и социальной, а в *политической сфере*. В

общем, и не только в России, различие между этими двумя уровнями достаточно важно, чтобы на нем стоило остановиться подробнее.

Политика и экономика

Марксизм показал, что в основе всех общественных отношений лежат *отношения производственные*, и что государство, инструмент господства одного класса над другим, находится, как правило, в руках того класса, который обладает и экономической властью. Однако, представлять государство лишь в качестве простого "отражения" или надстройки над экономическими отношениями, каким-либо образом воображать, что пролетарское или социалистическое государство должно базироваться на социалистической экономике подобно тому, как буржуазное государство базируется на капиталистической, было бы механистическим и антидиалектическим искажением реальности. Подобная схема уводит от проблемы *перехода* от капитализма к социализму и отменяет основное положение марксизма - тезис о *диктатуре пролетариата*.

Для того, чтобы освободить себя и все человечество, пролетариат должен разрушить капиталистические производственные отношения. Для этого он должен прежде всего разрушить аппарат господства и принуждения, который защищает и охраняет эти производственные отношения - буржуазное государство. Но этого еще не достаточно. Ибо если эта политическая революция, т.е. разрушение капиталистического государства, может свершиться за очень короткий отрезок времени, то ликвидация капиталистических производственных отношений займет долгий период. В действительности, речь идет не только об "экспроприации экспроприаторов". Речь идет о действительном устранении всех имеющихся препятствий (рыночные отношения, оборот товаров, наемный труд, оборот капитала и его законы), которые не позволяют всему обществу в целом непосредственно распоряжаться производительными силами, производителями и продуктами общественного труда. Необходимо ликвидировать автономию предприятий и обмен, как способ связи между ними, отменить не только деньги, но и всякие стоимостные расчеты, уничтожить само понятие "фондоотдачи" для того, чтобы осуществить централизацию

и планирование любой человеческой деятельности исключительно в интересах общественной пользы. Это потребует десятки и даже сотни лет.

В течение этого периода перехода от капитализма к коммунизму "государство этого периода не может быть ничем иным, кроме как революционной диктатурой пролетариата", - говорит Маркс в "Критике Готской программы". Почему? Именно потому, что этот период не знает устойчивых и последовательных экономических отношений, напротив, он характеризуется "противоречивой" экономикой, как об этом говорит "Манифест", экономикой, в которой одновременно действуют противоположные законы и которая держится лишь за счет своей динамической тенденции. Потому что в этот период капиталистические отношения продолжают действовать, имея тенденцию к расширению сферы своего действия, возрождая или усиливая *общественные силы*, которые отождествляют свои интересы с этими экономическими механизмами. Потому что, хотя пролетариат и выступает в качестве господствующего класса, законы капитала продолжают частично господствовать в экономике и необходимо ежедневное "деспотическое вмешательство" с тем, чтобы ограничить сферу их действия и подавить социальные тенденции, вызываемые действием этих законов.

Если пролетариату нужна государственная власть, то только потому и в той мере, в какой экономика не является еще социалистической. По мере того, как производственные отношения избавляются от капиталистических свойств и старых социальных привычек, изменяющихся по мере того, как необходимость в социальном принуждении также будет постепенно исчезать, государство будет постепенно отмирать. Пока оно существует, пролетарская власть базируется вовсе не на соответствующей экономике, она не имеет своей экономической основы, поэтому она стремится потрясти основы экономики. Именно поэтому она должна быть революционной, т.е. опираться на *силу и террор*.

Очевидно, что позиции пролетарского государства будут тем более прочными, чем скорее он приступит к уничтожению капиталистических производственных отношений, искореняя таким образом те социальные силы, которые ему противятся. Но не следует забывать, что переход к социализму *в полном смысле этого слова*

возможен лишь во всемирном масштабе. Это вовсе не означает, что пролетарская диктатура, ограниченная в определенный момент одной частью света, не может проводить меры социалистического характера, напротив. Однако это означает, что борьба пролетариата является борьбой *интернациональной* и что действительное "взятие власти" произойдет тогда, когда она будет захвачена в *ведущих странах мира*.

По отношению к этой *главной и первостепенной цели* классовой борьбы даже столь грандиозные ее эпизоды, как завоевание власти в одной стране и даже в масштабах одного континента являются лишь боями *местного значения*, *частичными* победами, которые в любой момент могут быть поставлены под вопрос. Борьба за эти цели, сколь значимыми бы они ни были, никогда не должна рассматриваться как самоцель. *Реальный* результат подобных побед, сколь бы важными они ни были, является результатом всякой частичной борьбы: растущая организованность пролетариата для революционной борьбы, усиление борьбы за *общие цели*. Поэтому даже в стране зрелого капитализма переход к более или менее социалистическим формам экономики будет *подчинен* задачам интернациональной борьбы за власть; он никогда не должен мешать этой борьбе, напротив, должен *способствовать* ей. Пока пролетариат завоевал власть только в одной или нескольких странах он стремится создать здесь не "социалистический рай", а *бастион мировой революции*.

Следовательно, даже в передовой капиталистической стране "социалистический" характер государства определяется не столько непосредственными экономическими достижениями, сколько *той ролью, которую она играет в международной классовой борьбе*. Тем более если речь идет об отсталой стране, да еще опустошенной войной империалистической и войной гражданской. В каком смысле можно говорить, что федерация советских республик является социалистической? На X съезде РКП(б) в 1921 г. Ленин так отвечает на этот вопрос: "Ни один коммунист не отрицал, кажется, и того, что выражение "Социалистическая Советская Республика" означает решимость Советской власти осуществить переход к социализму, а вовсе не признание данных экономических порядков социалистическими".[2]

Далекий от того, чтобы искать "социализм" в экономическом строе России, в национализации земли и крупной промышленности, государственном контроле или монополии внешней торговли, Ленин видел его в *намерениях* Советской власти, в ее *планах*, в ее *программе*, т.е. в ее *политической природе*.

Ибо если "социальным содержанием" Октября могла быть лишь "демократическая революционная диктатура пролетариата и крестьянства" именно потому, что она определялась условиями России, то его *политическая* форма далеко выходила за их рамки, именно потому, что класс, который возглавил эту революцию, был *интернациональным*, потому что российский пролетариат был непосредственно связан с условиями *международной* революции. Значит, пролетарская природа Октябрьской революции определяется ее политическими завоеваниями, о главных из которых мы вкратце скажем ниже, и которые показывают ее пролетарскую природу.

Первым, чисто пролетарским, аспектом Октября был прорыв фронта империалистической войны. После свержения царизма в феврале 1917 года русская буржуазия выдвигает лозунг "защиты революции и демократии", чтобы довести до конца империалистическую войну. Требование мира, выдвинутое большевиками, и которое было одним из лозунгов при взятии власти, отвечало, конечно, чаяниям солдат, в большинстве своем уставшим от войны крестьянам. Но это было нечто иное, чем просто пацифистское устремление. Власть Советов в Октябре выступила не против войны вообще, а именно против *империалистической* войны: отвергая эту войну, она призывает пролетариев всего мира к *революционному пораженчеству*. Она призывает их разбить Священный Союз (со своей национальной буржуазией - прим. перев.) и восстановить фронт интернациональной классовой борьбы, она призывает их превратить войну империалистическую в войну гражданскую, направленную на свержение буржуазии.

Вот что ясно указывает на то, какой класс стоял во главе советского государства: каков бы ни был его революционный потенциал, никакой другой класс кроме пролетариата не мог встать на эти позиции, позиции *пролетарского интернационализма*. Достаточно вспомнить о том, что народный Китай выдвинул лозунг "мирного сосуществования", чтобы понять разницу с властью советов, которая

самим актом своего рождения выступила против предательства социал-демократов, против социал-патриотизма, провозглашая перед лицом пролетариата всего мира позицию левых марксистов: "*Враг находится в собственной стране!*".

Октябрь был социалистическим

Другой социалистический аспект Октября заключается как раз в том, что пролетариат, выйдя за рамки всех союзов, должен был *один* взять на себя руководство государством, что все другие партии были удалены с политической арены вплоть до установления диктатуры одной *лишь коммунистической партии*. Вооруженное восстание, разрушение существующего государства, диктатура и террор являются, несомненно, необходимыми сторонами пролетарской революции; однако их недостаточно для ее характеристики, поскольку они присущи всем революциям, даже буржуазным. А вот устранение всех других партий, *политическая монополия* классовой партии пролетариата свидетельствуют о том, что она вышла за пределы буржуазной революции.

Эта монополия пролетарской партии во главе государства тем более примечательна, что пролетариат не был единственным правящим классом. Ибо если государство, вышедшее из Октября, не имело ничего общего с "буржуазной республикой обычного типа", было бы, тем не менее, ошибочно рассматривать его как диктатуру пролетариата в чистом виде; его сущность была более сложной, как неоднократно подчеркивал Ленин.

Что сразу же отличает его от буржуазной республики, так это то, что оно открыто провозглашает свой *классовый* характер. Его основой служит не "Декларация прав человека и Гражданина", а "Декларация прав трудового и эксплуатируемого народа", так как невозможно устранить эксплуатацию за короткий период. Далекое от признания одинаковых прав за всеми "гражданами", оно лишает эксплуататорские классы всех политических прав. Но в отличие от "чистой" диктатуры пролетариата, оно наделяет политическими правами не *один* лишь пролетариат. Власть Советов опирается на *два класса*, которые оба наделяются *политическими правами* и вместе участвуют в жизни и деятельности государства: пролетариат и

крестьянство. Следует, однако, заметить, что эти два класса, представленные в руководстве страны, *неравноправны*. Пролетариат *преобладает* над крестьянством. Это преобладание выражено в том различии, которое имеет вес голоса рабочего и крестьянина на выборах в Советы, оно выражается также в способе набора в Красную Армию, который не только исключает представителей имущих классов, но и осуществляет селективный и дифференцированный отбор среди рабочих и крестьян.

Революционный союз пролетариата и крестьянства (который выразился в том, что неэксплуататорские слои крестьянства являются получающей стороной в государстве) был нацелен на борьбу с прошлым, против феодально-буржуазно-империалистической контрреволюции; он не является классовым уравнением, определяющим путь в будущее. К тому же в ходе гражданской войны отношения между рабочим классом и различными слоями крестьянства были далеко не устойчивыми, пролетариату пришлось жестоко подавлять кулаков и нейтрализовывать постоянные колебания крестьянской массы, пытаясь при этом опираться на полупролетарские крестьянские слои. И, наконец, к концу гражданской войны ему пришлось подавить в Кронштадте вылазку мелкобуржуазной крестьянской контрреволюции. Именно потому, что класс, возглавивший революцию, целил *намного дальше* непосредственного содержания экономических и политических мер Октября 1917 г., усиливая тем самым мировой пролетариат и в то же время опираясь на него, этот класс и обеспечил себе главенствующую роль в государстве. Подъем революционной борьбы в Европе позволил бы ему еще более *укрепить* эту роль, постепенно урезая политические права, предоставляемые русскому крестьянству, позволил бы ему более непосредственно опереться на международный пролетариат и осуществить таким образом диктатуру пролетариата в чистом виде.

В самом деле, нужно отметить, что большевики никогда не изображали состав Советов как "идеальный" и неизменный. Наоборот, они всегда настаивали на его случайном и переходном характере. Так, например, Троцкий объясняет в своей работе "Терроризм и коммунизм", что социальная база Советов - корпорация, действующая как Коммуна, а не как "рабочий парламент", не могла быть раз и навсегда разграниченной, но всегда зависела от хода классовой

борьбы; потому что целые социальные слои, в зависимости от позиции, которую они занимали в этой борьбе, были допущены к участию в работе Советов или, наоборот, насильственно изгнаны оттуда. Все это далеко не только от буржуазной демократии или демократии вообще, но и от формальных схем "рабочей демократии", которая никогда не может автоматически гарантировать путь революционных преобразований. Тот факт, что сам Троцкий впоследствии искал в этой формальной советской демократии гарантию против сталинизма, доказывает только то, что никто полностью не застрахован от политического давления контрреволюции.

Обратимся еще к одному характерному примеру, показывающему метод законотворчества большевиков. Коммунисты ведут дело к упразднению семьи, к ликвидации домашней экономики, взятию на себя обществом всех забот по удовлетворению материальных и духовных потребностей детей. Очевидно, что это было неосуществимо в России 1920 года. Не имея материальных возможностей растворить семейную экономику в системе общественного производства, большевики не смогли упразднить институт семьи; будучи не в состоянии силами общества заняться воспитанием всех детей, им пришлось возложить эту задачу на их родителей. Однако они устранили всю метафизику из понятия "семья - основа общества", они свели бракосочетание и развод к простой административной процедуре регистрации и заявили, что по мере возможности эти процедуры будут *устранены*. Они также пошли настолько далеко, насколько было возможно по пути освобождения женщины, реализовав ее полное юридическое равенство с мужчиной, разрешив аборт и т.д., не скрывая, что *реальная* эмансипация это не вопрос права, но вопрос полного переворота в общественных отношениях, не пытаясь чисто русские реалии выдать за образцы социализма.

Чтобы увидеть разницу между "двойной" революцией и революцией буржуазной достаточно сравнить организацию и деятельность государства, рожденного Октябрем, с государством, возникшем в результате китайской революции 1949 г. Эта разница станет еще более кричащей, если обратиться к *международной* деятельности советского государства. Именно революция и взятие власти в России позволили большевикам восстановить интернацио-

нальную партию пролетариата. Именно эти факторы позволили им осуществить перегруппировку в рядах левых течений социалистических партий и вернуть их к основам учения и принципам марксизма. Для большевиков целью русской революции было "разжечь социалистическую революцию в Европе". Сам факт русской революции решительно подталкивал их к этому, но одного его было недостаточно после краха II Интернационала. Необходимо было восстановить, подтвердить теоретические, программные и политические принципы коммунизма, осуществить перегруппировку сил, способных их востребовать и претворить в жизнь, необходимо было восстановить руководство этой революцией. Таким образом, можно сказать, что главным социалистическим завоеванием Октября был *Коммунистический Интернационал*.

От "военного коммунизма" к НЭПу

По своему политическому содержанию Октябрь был социалистическим: пролетариат если и не овладел всей полнотой власти, то по крайней мере обеспечил себе политическое господство; это его партия единолично руководила государством и он ее использовал в целях своей интернациональной классовой борьбы.

В области экономики планы большевиков были намного скромнее. Первыми серьезными экономическими мерами были экспроприация земельных собственников, национализация земли и передача ее в руки крестьян. Какой бы радикальной и прогрессивной ни была эта мера, в ней не было ничего социалистического, как это не переставал повторять Ленин. Эта мера шла даже в русле пожеланий буржуазии, которая очень бы хотела избавиться от паразитарного класса земельных собственников и завладеть сообща земельной рентой. Но если, например, английская буржуазия перевозносила эту меру устами своего теоретика Рикардо, то никакая буржуазия не решилась еще ее осуществить. Даже китайская революция не дошла до этого. Дело в том, что эта мера чревата мощным всплеском классовой борьбы, ставящей под вопрос все права собственности. Большевики, естественно, это не пугало.

Может показаться, что в 1918-20 гг. экономические мероприятия Советской власти вышли за пределы капитализма в той мере,

в какой они *вышли за рамки* капиталистических законов производства и обмена. В действительности же речь шла лишь о "военном" коммунизме. Эти меры проводились в соответствии не с экономическими планами, а с *военной необходимостью* и, как объяснял Троцкий, в чрезвычайных обстоятельствах *любое государство* способно принять меры подобного рода. В обстановке "осажденной крепости", в которой находилась Россия в эти годы, не было более устойчивых "производственных отношений". Все экономические законы подчинились закону военного времени, производство и потребление регулировалось в соответствии с нуждами обороны.

В России того времени отношения, например, между государством и крестьянами не соответствовали никакому "способу производства": советская власть защищала крестьянина от белогвардейцев, поддерживаемых мировым империализмом и которые хотели отнять у него землю, а "в обмен" крестьянин должен был кормить города и Красную Армию. При необходимости Советы *реквизировали* зерно для рабочих, фураж для красной кавалерии, дрова для поездов и военных заводов и т.д. Распределение потребительских товаров также осуществлялось без учета законов рынка и отношений найма, в соответствии с военными нуждами.

Даже в промышленности военные потребности вынуждают большевиков идти дальше и быстрее, чем это позволяет "экономическая" целесообразность. С этой точки зрения было бы предпочтительно, чтобы заводами продолжали управлять капиталистические предприниматели *под контролем* рабочих и государства. Однако большинство из них перешло на сторону белых, а те, которые остались, саботировали производство, ориентированное, в основном, на производство вооружений; их необходимо было устранить и любой ценой создать аппарат для управления производством. Это сосредоточение производства в руках государства соответствовало не столько реальной концентрации промышленности, сколько самой ситуации гражданской войны (что, впрочем, будет одной из причин "бюрократизации" Советов).

Если большевики в этот период и отменили или смягчили законы рынка, то это было сделано не в целях "перехода к социализму", что было невозможно в одной России, а в силу военной необходимости. Окончание Гражданской войны и консолидация со-

ветской власти в то время, когда революция в Европе топчется на месте или отступает, поставили их перед необходимостью найти соответствующий экономический *modus vivendi*. Разумеется, победа пролетариата в Германии изменила бы ситуацию. Но в 1921 г. стало ясно, что эта победа в ближайшее время не неизбежна, что мировой капитализм вступил в период стабилизации, пусть и временной и относительной, конечно, но все-таки стабилизации, и что буржуазия повсюду переходит в наступление, а пролетариат ведет оборонительные бои. В ожидании нового наступления и работая для создания *политических* условий для него, нужно было не допустить полного распада российского общества, что привело бы к падению советской власти. Реквизиции и волевое распределение должны были уступить место "нормальным" экономическим отношениям.

Однако и без того отсталая экономика России была подорвана империалистической и гражданской войной; уровень производства был чрезвычайно низким, если не сказать нулевым. Этот факт еще более *усиливал* преобладание *мелкого* производства не только в сельском хозяйстве, но и в промышленности. Было ли возможно в этих условиях обеспечить хотя бы минимальное развитие производства вне сферы рыночных отношений? На X съезде РКП(б) Ленин ставит альтернативу: "Либо пытаться запретить, запереть совершенно всякое развитие частного, негосударственного обмена, т.е. торговли, т.е. капитализма (заметьте, именно капитализма - прим. ред.), неизбежное при существовании миллионов мелких производителей. Такая политика была бы глупостью и самоубийством той партии, которая испробовала бы ее. Глупостью, ибо эта политика экономически невозможна; самоубийством, ибо партии, пробующие подобную политику терпят неминуемо крах... Либо... не пытаться запретить или запереть развитие капитализма, а стараться направить его в русло государственного капитализма".[3]

Ленин показывает, что в России имеется пять различных хозяйственных укладов: натуральное крестьянское хозяйство; простое товарное производство, сельскохозяйственное и ремесленное; частный капитализм; государственный капитализм; социализм. Но этот последний, говорит он, не существует в сущности экономических отношений, он существует только как "юридическая возможность", поскольку мы находимся у власти. Еще раз: он существует в

политической области, а не в экономике! В этих условиях борьба, стоящая в повестке дня, это не борьба социализма против капитализма, но борьба политического социализма, вступившего в союз с самой передовой формой капитала, государственным капитализмом, против мелкого капиталистического и даже докапиталистического производства. Врагом является именно мелкое производство, так как его невозможно контролировать, ежедневно оно вновь и вновь воспроизводит капитализм, говорит Ленин. И тем не менее мы должны предоставить ему свободу действий, должны допустить частный товарообмен, *рынок*, потому что иначе невозможно обеспечить циркуляцию продукции миллионов мелких предприятий. Лишенные возможности вести атаку на капитализм, мы должны *поощрять* его, ибо при существующем положении дел, только в такой форме может развиваться российская экономика. Однако мы должны стараться контролировать его, *ориентируя* в сторону государственного капитализма с тем, чтобы облегчить *дальнейший* переход к социализму.

В то время как итальянские левые коммунисты одобрили эту установку большевиков без колебаний и оговорок, она встретила непонимание и оппозицию "ультралевых". На III конгрессе Коминтерна представительница русской "рабочей оппозиции" Коллонтай соперничала с КАПДистами в разъяснении *необходимости* или переходить к социализму...или отказаться от власти. Примечательно, что они, таким образом, примкнули, пусть и с другой стороны, к старой меньшевистской позиции: немедленный социализм или передача власти буржуазии. И не следует удивляться тому, что Сталин вернулся к этой альтернативе в 1926 г. для того, чтобы оправдать "строительство социализма" в одной России.

Ни те ни другие не понимали ни диалектической взаимосвязи между политической властью и экономикой, ни международной стратегии коммунизма. Они не понимали, что целью НЭПа было удержание политической власти, а не подъем производства в России. Большевики не считали развитие российской экономики самоцелью. Оно интересовало их лишь в той мере, в какой оно было необходимо для поддержания "юридической возможности", которая заставляла это капиталистическое развитие делать "шаги в направлении социализма" и которая позволяла им поставить все силы мощного

государства на службу мировой революции, которая, в свою очередь, оказала бы помощь ему самому.

“Ультралевые” настаивали на опасности, которая таилась в предоставлении определенной свободы капитализму в России, однако смелой попытке большевиков они могли противопоставить лишь самоубийственную политику Грибуя. [4] Эти опасности Ленин видел лучше, чем кто-либо другой. В ходе XI съезда в 1922 г. он цитирует Устрялова, рупор кадетов-эмигрантов; последний утверждал, что посредством НЭПа большевики, хотя бы того или нет, строят в России “обычное буржуазное государство”, и что, следовательно, их необходимо поддерживать. Эту “классовую правду классового врага” Ленин предпочитал “сладенькому коммунистическому вранью” и он без обиняков заявлял: “Такие вещи возможны, надо сказать прямо”.

Несомненно, что предоставляя свободу рынку, *т.е. капитализму*, высвобождают динамичный процесс капиталистического развития и подпитку тех социальных сил, которые являются выразителями и защитниками капитализма. Это сделать было *необходимо*, но необходимо было также *сдерживать* и *контролировать* это развитие, *помешать* этим социальным силам одержать победу. Правда, это было рискованно, но необходимо было допустить этот риск или безоговорочно капитулировать. Большевики приняли этот бой, бой пролетарской власти с тем, чтобы сдерживать капиталистическое развитие и *направлять* его в нужное русло, поскольку полностью запретить его было *нельзя*. Увы, этот бой они проиграли; мы его проиграли.

Если они и проиграли этот бой, то именно потому, что “главный союзник” русского пролетариата не справился со своей задачей. *Сила*, способная противостоять натиску русского капитализма не могла быть обеспечена только за счет русского пролетариата, обескровленного и обессиленного гражданской войной, а только за счет *международного* пролетариата. Судьба советской власти решалась не столько в Петрограде и на полях сражений в России, сколько в Берлине! “Без помощи европейского пролетариата мы погибнем”, не переставали повторять большевики.

Однако этот пролетариат не одержал революционной победы, его порыв иссяк, а революционная волна отхлынула. Что еще хуже, международное коммунистическое движение не смогло даже оказать большевикам политическую поддержку, и последние остались один на один перед давлением международного капитала и тех социальных сил, которые внутри России являлись носителями капиталистических тенденций.

Эти силы нашли свое политическое выражение *в самой РКП(б)*. Это и понятно, поскольку революция устранила и ликвидировала все другие партии. Ни одна партия, какой бы самой лучшей и крепкой она ни была, не имеет иммунитета против подобного проникновения и подобной деформации, и надо видеть, что большевистская партия 1926 г. *уже не была* той партией, которая совершила Октябрьскую революцию. После победоносной революции и гражданской войны в ряды партии проникло множество людей, которые только называли себя коммунистами. Одни, несомненно, были карьеристами и стяжателями, соблазненными преимуществами, которые давала власть, но было также немало и таких, которые при всей своей честности и искренности не прошли той школы воспитания и закалки, которую прошли старые революционеры, многие из которых погибли в борьбе за революцию. Незадолго до смерти Ленин, поддержанный старой гвардией, призывал к *суровой чистке* партии. Предполагалось исключить примерно 100 000 членов, “некоторые говорят о 200 000 и эта цифра нравится мне еще больше”, говорил Ленин. Эта чистка не состоялась. Наоборот, после смерти Ленина секретариат еще шире *распахнет* двери партии и достойным дополнением к мумификации Владимира Ильича станет “Ленинский призыв”: 250 тысяч новых членов!

В этой партии убежденные большевики оказывались все более и более изолированными и растворенными в массе элементов не имеющих серьезной политической базы, способных только глупо хихикать, когда Троцкий будет напоминать им элементарные принципы большевизма, людей без революционной закалки и подверженных настроениям момента. Эта партия, контроль над которой все больше и больше ускользал от старых большевиков, *самым демократическим способом в мире* приняла решение о построении социализма в одной России.

Мы утверждаем, что это решение заключало в себе подлинную *контрреволюцию*. Это тем более верно, что, для того чтобы действительно осуществить ее, сталинизм не сможет удовлетвориться лишь тем, что *политически устранил* старую большевистскую гвардию, но должен будет *устранить* ее *физически*, в застенках, в концлагерях, в ходе показательных процессов и расстрелов без суда и следствия. Речь шла не только о лидерах, известных всему миру, но и о десятках тысяч неизвестных активистов, которые были истреблены в последующие годы.

Дело в том, что это решение перечеркивало в прямом смысле слова всю линию большевистской партии. Для большевиков *целью* русской революции был не "социализм в России", а мировая революция. Если характер их политической власти был социалистическим, то они не играли словами и называли капитализмом развитие российской экономики, развитие, руководство которым они были готовы взять на себя, *лишь бы* оно помогло им сохранить в своих руках политическую власть, чтобы поставить ее на службу международному пролетариату.

Отказ от ожидания(!) мировой революции и переход к социализму в России, декретирование его *скорого* построения превращало то, что было для большевиков лишь средством, в цель и, фатальным образом, их цель в средство. Таким образом, развитие экономики России становилось *самоцелью* и, неизбежно, то влияние, которое русское государство через Коминтерн оказывало на международный пролетариат, использовалось для того, чтобы поставить его борьбу *на службу* этой цели.

Правда, в данном случае речь идет лишь о *политическом* перевороте. Однако, по мере осуществления этого переворота, его было достаточно для того, чтобы лишить СССР какого бы то ни было социалистического характера, поскольку его "социализм" всегда был исключительно *политическим*. Потому что его "социальное содержание" было содержанием буржуазной революции, доведенной до конца, т.е. *радикальным* разрушением всех докапиталистических форм и отношений, но вместе с тем, благодаря пролетарскому государству, руководимому коммунистической партией, общество было направлено через капитализм к коммунизму.

По отношению к непосредственному экономическому и социальному содержанию русской революции сталинизм, безусловно, не был контрреволюционным! Напротив, он был его *политическим выражением*, направленным против *интернациональной пролетарской политики* большевиков. Последние разрушили все феодальные барьеры, мешавшие развитию капитализма, но они стремились *сдерживать* это развитие, *контролировать, направлять* его, потому что они преследовали более широкие цели. Политическое и физическое устранение большевиков - это ликвидация *пролетарских барьеров* на пути бурного развития капитализма: как только их устранили, это развитие началось. Доказательством этому служит тот факт, что еще до того, как "планирующий гений" государства сыграл свою роль, экономика России стала развиваться невиданно высокими темпами, достичь которых затем не помогли ни сталинские методы "принуждения", ни послесталинское "соревнование".

"Социализм в одной России" - *это буржуазная* контрреволюция в России, потому что он означает разрушение всех *пролетарских черт* государства, означает, что государство не управляется больше *пролетариатом*, не отстаивает его классовые интересы, а защищает интересы капиталистического развития России.

Понятно, что эта контрреволюция не была единовременным актом; устранение большевиков от власти осуществлялось в ходе сложной фракционной борьбы, связанной с перипетиями борьбы международной. В 1926 г. еще нельзя было сказать, что поражение стало фактом; новый подъем борьбы европейского пролетариата мог бы еще изменить соотношение сил в России. Тем не менее контрреволюция была уже *реальностью*, а *политическое размежевание* стало явным именно в 1926 г. В последующие годы оно станет свершившимся фактом и тогда, утратив власть в России, пролетариату *уже нечего* будет защищать в этой стране.

Троцкий утверждал в то время, что в России нужно было совершить лишь политическую революцию. Такая формулировка, конечно, не является ошибочной, но она звучит двусмысленно. Если под ней подразумевать, что *в экономике* социалистическая революция уже *свершилась*, то это заблуждение. Напротив, она верна в том смысле,

что если бы даже мы смогли отобрать власть у сталинистов, *мы не осуществили бы больше социализма чем они* именно потому, что переход к социализму не стоял в повестке дня в России. Иными словами, мы вовсе не упрекаем сталинизм в том, что он не осуществил социализм в России: большевики на все лады повторяли, что это было *невозможно!*

Триумф буржуазной контрреволюции, следовательно, не сделал Россию обычным буржуазным государством. *Контрреволюционный* по отношению к *пролетариату* и мировому коммунистическому движению, он был выражением взлета капиталистического развития огромной царской империи и его инструментом, взлета, который, локально, был еще *революционным* в *буржуазном* смысле. Этот противоречивый аспект русского государства дает повод для ошибок. Некоторые, чувствительные на свой счет революционеры (буржуазные), любой ценой желают видеть в нем социализм; другие, находясь под впечатлением его контрреволюционной практики (по отношению к пролетариату) хотят идентифицировать его со старым буржуазным государством.

Но если было бы заблуждением видеть в России социализм, то не меньшим заблуждением было бы видеть в ней лишь "государственный капитализм". В самом деле, русская экономика была еще далека от госкапитализма, который является категорией экономической, а не юридической, хотя в результате бегства и экспроприации буржуазии *собственность* на крупные предприятия и оказалась в руках государства. Ленин это хорошо понимал, когда разъяснял, что осуществление настоящего госкапитализма в России было бы, при условии сохранения власти в руках пролетариата, шагом к социализму. Ибо, если государственный капитализм остается все же *капитализмом*, он, тем не менее, не является одним и тем же в государстве, возглавляемом пролетариатом и в буржуазном государстве.

После отстранения пролетариата от власти, русский капитализм, раздробленный, находящийся на низком исходном уровне, стремится принять развитые и концентрированные формы по крайней мере в промышленности. Для того, чтобы обеспечить себе

нейтралитет со стороны крестьянства, сталинизм, после совершения им довольно катастрофических ошибок, оказался перед необходимостью заключить с ним компромисс в форме колхозов. Эта форма *докапиталистической* экономики, сочетающая в себе кооператив с мелким семейным хозяйством, является стабильной формой, не очень благоприятной для развития производства, которая и сегодня является тормозом для развития промышленности; она не только вынуждает государство импортировать зерно вместо компьютеров, но и закрепляет значительную часть экономически активного населения за сельской местностью.

Все использовавшиеся методы капиталистического накопления в России давили на пролетариат, который подвергался усиленной эксплуатации, в условиях которой наихудшие формы извлечения прибавочной стоимости, такие как сдельная оплата, подавались как "завоевания социализма". Может быть мы бы не осуществили в России больше социализма чем Сталин, но мы бы осуществили меньше *капитализма!*

Развитие капитализма в России

В течение этого периода ускоренного первоначального накопления могло сложиться впечатление, что авторитарное вмешательство государства препятствовало свободной игре законов рынка, конкуренции и капитала. Это был один из так называемых социалистических аспектов политики, проводившейся в России. Однако, в той мере, в какой это вмешательство было реальным, оно вовсе не означало *преодоления* капитализма. Напротив, капитализм нуждался в этой государственной опеке именно потому, что он был слишком *слабым и неразвитым*. Он не выдержал бы прямого столкновения с мировым капиталистическим рынком, он не выдержал бы сопротивления рабочего класса; он не выдержал бы свободной рыночной конкуренции; он не смог бы развиваться столь быстро, если бы давление государства не обеспечило бы рост производства *любой ценой*. Если локально, на уровне отдельного предприятия, "план" требовал рост производства без учета рентабельности, то это потому, что *вначале* нужно довести *общий* объем производства и рентабельность до необходимого уровня; потому что русский капитализм был еще *ниже* того порога, при

котором его функционирование обеспечивается свободной игрой экономических законов, потому что необходимо было *форсировать* общие темпы накопления с тем, чтобы как можно быстрее достичь этого порога.

С этого времени мы неоднократно показывали, что, с одной стороны, несмотря на "социалистические" претензии этого государственного вмешательства, развитие экономики в России следовало общим законам капитализма. С другой стороны, что само это развитие довело это вмешательство до такой стадии, когда ему уже было необходимо заботиться о рентабельности каждого предприятия и каждой части капитала; стадии, при которой *кажущаяся* целостность "государственной промышленности" должна была разрушиться, конкуренция между различными секторами экономики и отдельными предприятиями должна была открыто проявиться для того, чтобы можно было обеспечить максимальную рентабельность и бороться с понижением нормы прибыли, чтобы устранить менее рентабельные предприятия и таким образом взять курс на *действительную* концентрацию и централизацию капитала.

Пресловутая хрущевская "либерализация", далекая от реального возвращения к Марксу и Ленину, точно выразила требования этой новой стадии. Так на XXII съезде Хрущев заявил: "Нужно, чтобы каждый вложенный рубль приносил максимум прибыли". Маосисты хотят увидеть в этом "реставрацию капитализма", но нельзя реставрировать то, что никогда не было ликвидировано. Просто речь идет о переходе к *более высокой* стадии капитализма в России, стадии, когда нельзя больше создавать иллюзий. Фактически, и экономисты и государственные деятели России все более открыто признавали, что *механизмы*, которые управляют русской экономикой, являются ничем иным как категориями капитала. За исключением прилагательного: в России заработная плата является "социалистической", рынок является "социалистическим", прибыль является "социалистической", короче... капитал является "социалистическим" по определению. Это, разумеется, ничего не меняет в принципах его функционирования, а если и имеются какие-либо различия между капитализмом Востока и капитализмом Запада, то они сводятся к тому, что первый только формирует свой внутренний рынок, еще слабо связан с рынком мировым, развивается

еще по восходящей линии, одним словом, является еще относительно молодым (см., например, наш недавний анализ системы планирования в России, данный в журнале "Коммунистическая программа" N 71).

Тот факт, что русское государство осуществляло и осуществляет руководство развитием капитализма, создавая тем самым *материальную базу* коммунизма (обобществляя производство) и *социальную силу*, которая призвана его осуществить (превращая русского мужика и татарского кочевника в современного пролетария), есть безусловно положительный исторический факт. Достаточно ли всего этого для преобразования его в социалистическое государство? Нет. Это только показывает, что на ее территории было выполнено то, что является исторической задачей именно буржуазии и капитализма.

Этого недостаточно также и для того, чтобы превратить его в капиталистическое государство. Мы были готовы взять на себя выполнение этой буржуазной задачи, которая осталась бы буржуазной, но была бы осуществлена менее жестокими и кровавыми методами.

Что наилучшим образом демонстрирует классовую природу русского государства, так это то, что ради выполнения своей буржуазной задачи оно разрушило не только государство, рожденное Октябрем, но и, особенно, международное коммунистическое движение, что оно на протяжении уже полувека работает ради сохранения мирового капитализма и поддержания его устойчивости.

Мы уже говорили, что буржуазная контрреволюция в России свершилась в течение нескольких лет. В 1936 г. она уже чувствует себя настолько уверенно, что открыто истребляет руководителей революции и штаб Красной Армии. В то же время она отменяет Конституцию 1918 г., чтобы даровать России "самую демократическую конституцию в мире", конституцию, которая заслуживает свое название, так как устанавливает в России "буржуазную республику обычного типа". Может быть несколько более откровенно полицейскую и террористическую, но это и понятно, если учесть, что она только что ликвидировала власть пролетариата и должна была

навязать всем классам общества форсированные методы первоначального накопления капитала.

Эта конституция превращает Советы в ассамблеи парламентского типа. Она провозглашает политическое равенство всех граждан, одинаковые права и обязанности. Как и государство в целом армия утрачивает свой классовый характер для того, чтобы стать национальной армией "всего народа". Закон перестает быть временным и переходным, а претендует на создание законодательной базы для идеальной и вечной организации общественной жизни. Она освящает институт семьи, патриотизм (великорусский, конечно), восхваляет русский язык, национальную культуру и т.д. Короче говоря, она отменяет все то, что делает русское государство чем-либо иным, чем является обычная буржуазная республика.

Но так же как революционная деятельность большевиков была в основном нацелена на мировую революцию, контрреволюционная деятельность сталинизма особенно проявилась в сфере международной классовой борьбы. Знаменательно, что 1926 год, год "социализма в одной стране", стал также годом саботажа забастовки английских шахтеров, отданных англо-русским комитетом под опеку тредьюнионистских профбоссов и годом шанхайской бойни и ликвидации китайской компартии¹, которой навязали меньшевистскую политику подчинения Гоминьдану.

Контрреволюция в действии

Слабость мирового коммунистического движения, европейского в первую очередь, сделала возможной победу контрреволюции в России. Последняя бумерангом ударила по коммунистическому движению, чтобы, используя его слабость, превратить его отступление в катастрофу. Там она тоже действовала постепенно. Она опиралась на ошибки и колебания Коминтерна, *увеличивая* эти ошибки и *усиливая* колебания до точки разрыва, где безвозвратно прерывалась политическая линия, которая делала Коминтерн центром мирового революционного движения.

¹ события в Китае произошли в 1927 г. - прим. перев.

Можно сказать, что после сдачи без боя Германской компартии в 1933-м и перехода к политике Народных фронтов в 1934-45 годах этот разрыв произошел окончательно. С этого времени Коммунистические Партии работают лишь на сохранение мирового капитализма, подчинение ему пролетариата, также как и угнетенных народов колоний и полуколоний.

Правда, они остаются связанными с Москвой, и в течение всего этого периода русское государство могло использовать их на службе своей дипломатии и в деле своей национальной обороны. Тот факт, что оно прибрало к своим рукам Коминтерн и возможность направлять деятельность коммунистических партий, представлял из себя, очевидно, серьезный козырь для русского государства перед лицом других буржуазных государств; оно не хотело его лишиться! Китай, напротив, не смог создать себе подобную вспомогательную организацию, и это не удивительно: революционный Интернационал может *переродиться* и попасть в руки буржуазии, но трудно "сфабриковать" Интернационал оппортунистический от рождения.

Впрочем, связь с Москвой отчасти послужила маскировкой перехода компартий на позиции классового коллаборационизма. Они служили целям сохранения капитализма в *мировом* масштабе через Россию, это позволяло им сохранять определенную дистанцию по отношению к буржуазии своих стран. В течение всего периода коммунистические партии колебались, таким образом, между открытой защитой интересов *собственной* буржуазии и ее национальной экономики и "оппозицией", которая хоть и была временами жесткой, никогда не вставала на почву классовой борьбы, а исходила из политики союзов и дипломатических маневров России. Исключительно в качестве примера приведем пародию на тактику "революционного пораженчества", которую приняла Французская компартия в 1939 г. в момент заключения германо-советского пакта, открыто порвав со своей ура-патриотической и воинственной политикой предыдущих лет.

Этот пример показывает, однако, *пределы* этой оппозиции и неотвратимость *эволюции* компартий. Для того чтобы уничтожить революционные положения и традиции, сталинизм опирался на самые сомнительные элементы компартий, на едва покрасневших социал-демократов, которым позволил туда войти недостаточно су-

ровый отбор. Сам этот факт, усиленный его откровенно антикоммунистической политической линией, поощрял в этих партиях тенденцию к сотрудничеству с *их собственной* буржуазией. Таким образом, в 1939 г. ФКП уже полностью шовинизировалась, она крайне отрицательно восприняла германо-советский пакт и вновь обрела уверенность лишь тогда, когда смогла безоговорочно включиться в движение Сопротивления и впасть в ультрапатриотизм.

Во время и после второй империалистической войны сдерживание борьбы пролетариата было обеспечено двумя группами оппортунистических партий, социалистическими и коммунистическими партиями, связанными, соответственно, с двумя центрами капиталистического господства в мире, США и СССР. Эти партии работали то рука об руку, то друг против друга, в зависимости от степени согласия или вражды между их патронами, в зависимости от того, *общие* ли интересы сохранения капитализма или *частные* интересы держав--соперников выходили на первый план.

Но роль агента буржуазии в рядах пролетариата имеет свою собственную динамику, и она сочетается сегодня с центробежными тенденциями, которые были порождены обострением конкуренции в этих двух блоках. Эти партии вынуждены все в большей и большей степени служить капиталистическим интересам на уровне *своей* буржуазии, *своей* национальной экономики, *своего* государства. Коммунистические партии неизбежно вынуждены отрываться от России и ставить на первое место пресловутый "национальный путь к социализму", т.е. *национальный*, а уже не наднациональный путь к классовому сотрудничеству.

В то время, когда они *практически* подчиняли пролетариат интересам капитала во время войны и послевоенного восстановления, в колониальных войнах и "деколонизации", как в период послевоенной экспансии, так и в начальный период настоящего кризиса, сталинизм и его последователи осуществили полную *теоретическую* и *политическую* ликвидацию коммунистического движения. Чтобы представить развитие капитализма в России как "строительство социализма", они были вынуждены полностью фальсифицировать марксизм, исказить не только понятие социализма, но и само понятие капитализма. Этот исторический способ производства, который характеризуется в первую очередь товарным производством

посредством использования наемного труда, а все остальные категории при этом проистекают из этой основы, они свели к "индивидуальной собственности" на средства производства. Тогда как Маркс и Энгельс показали, что капитал сам стремится к деперсонификации, они утверждали, что "переход к социализму" - это просто полная деперсонификация капитала посредством его огосударствления при том, что все отношения и все механизмы функционирования капитала остаются в силе.

В действительности же эта деперсонификация и высочайшая концентрация есть только *диалектическое преддверие* социализма и оно является таковым лишь в той мере, в какой пролетарская власть осуществляет *разрушение* этих отношений и механизмов. Напротив, объявляя их *естественными и вечными*, сталинисты отвергли *историческую необходимость* революции и диктатуры пролетариата. Рано или поздно они должны были прийти к этому не только *на практике*, что они сделали уже давно, но и отречься также и *в теории*, они должны были дойти до открытого отрицания революции и классовой диктатуры в пользу "всенародного фронта", "народной", "передовой" или "истинной" демократии. Соответственно, их видение "мирного и демократического перехода" к "социализму в цветах Югославии, Франции или Лихтенштейна", "социализма", который является ничем иным, как мифическим капитализмом без противоречий, эксплуатации и угнетения, оправдывает фактическое подчинение пролетариата интересам своего национального капитала.

Следствием контрреволюции, которая претендовала на строительство социализма в России, стало то, что пролетариат как *самостоятельная сила* отсутствует на исторической сцене вот уже в течение полувека. Он не только не смог вести борьбу за свое историческое освобождение, он даже был не в состоянии эффективно защищать свои непосредственные интересы. Еще и сегодня, когда первые удары кризиса уже поколебали процветание и экспансию капитализма, когда заработная плата падает, тогда как безработица растет и когда буржуазия усиливает повсюду свое экономическое и политическое давление на пролетариат, последний реагирует лишь спорадическими и разрозненными вспышками борьбы.

В то время, когда кое-кто говорит о "революционной ситуации" или даже провозглашает, что "пролетарская революция в Европе

началась", пролетариат, к несчастью, даже не нашел в себе еще сил вести достаточно эффективным способом оборонительную борьбу и на ее базе создать и свою классовую организацию на широкой и прочной основе. Для того, чтобы разбить оковы оппортунизма, стесняющего и блокирующего борьбу рабочего класса, будет необходимо, и мы говорим об этом уже много лет, сочетание двух факторов: мощная вспышка пролетарской борьбы, вызванной экономическим и социальным кризисом капитализма и восставление *классовой партии* и ее влияния, по крайней мере, на авангард пролетариата. Однако, на пути тяжелой борьбы по воссозданию такой партии русский псевдосоциализм (*тем более* китайский или какой-либо иной) создал грозное препятствие одновременно и в теоретическом и в практическом плане.

Практически все, кто сколько-нибудь верит в существование элементов социализма в России, по-прежнему остаются в той или иной степени связанными с СССР и коммунистическими партиями. В самом деле, они фатально приходят к тому утверждению, что русское государство и коммунистические партии всегда защищают "в какой-то степени", "плохо", "недостаточно" и т.д., но *несмотря ни на что* защищают дело социализма. И даже те из них, кто не доходит до признания нынешнего русского государства в качестве "формы диктатуры пролетариата", всегда останавливаются на *пол-дороге* в своей критике России и коммунистических партий. Они не доходят до *полного разрыва* с ними. Напротив, они приводят к оппортунизму и подчиняют ему авангардные элементы, которые пытаются его избежать. Эти люди, которые неустанно требуют от компартий "порвать с буржуазией", наглядно показывая тем самым собственную неспособность порвать с *оппортунизмом*, оправдывая себя двумя сериями аргументов; одна ложно отождествляет социал-шовинизм, агента буржуазии в рядах пролетариата, с наивным реформизмом, выражающим непосредственные интересы рабочих; другая прямо вытекает из их анализа России.

Однако этот анализ прямо приводит их к соучастию в разрушении и отрицании революционной теории, фальсифицируя марксистское видение социализма и перехода к нему. В их построениях можно найти все возможные варианты "теоретических монстров". Начиная от тех, кто верит, что в русской экономике есть "социализм",

тогда как власть не находится в руках пролетариата, что означало бы, что переход к социализму может осуществить *кто угодно*, и кончая теми, кто утверждает, что русская экономика не только является социалистической и не подвержена противоречиям капитализма (в момент, когда руководители России вынуждены признавать, что они им полностью подвержены!), но также, что речь идет об истинной форме диктатуры пролетариата; что означало бы, что диктатура пролетариата, осуществленная в одной стране, могла бы использовать себя для подавления международного движения пролетариата!

От *фундаментального марксистского* понятия *диктатуры пролетариата* у этих людей ничего не остается, так же как у тех, кто отождествляет последнюю с каким-либо межклассовым блоком. Мы предпочтем иметь дело с анархистами и всякого рода анархистствующими, которые полностью отрицают социалистический характер и самой Октябрьской революции. Это нормально со стороны людей, которые игнорируют или презирают *политическую* борьбу, которые оспаривают необходимость пролетарского *государства, диктатуры и партии*, которая должна им руководить. Они, по крайней мере, последовательны в своих взглядах.

Вопреки тем и другим мы показали, что революция, как и контрреволюция, победа, как и поражение *подтверждают правоту марксизма*, единственно возможную основу для возрождения классового движения. В отличие от всех приверженцев какой-либо демократии, мы извлекли главный урок как из одной, так и из другой: *единственная* "гарантия" успеха как в наступлении, так и при сопротивлении в обороне, заключается в теоретической, политической и организационной прочности и твердости партии.

Примечания:

[1] В русском издании предложение, из которого взята цитата, звучит так: "В то время как демократические мелкие буржуа хотят возможно быстрее закончить революцию, в лучшем случае с проведением вышеуказанных требований, наши интересы и наши задачи заключаются в том, чтобы сделать революцию непрерывной до тех пор, пока все более или менее имущие классы не будут устранены от господства, пока пролетариат не завоеует государственной власти,

пока ассоциация пролетариев не только в одной стране, но и во всех господствующих странах мира не разовьется настолько, что конкуренция между пролетариями в этих странах прекратится и что, по крайней мере, решающие производительные силы будут сконцентрированы в руках пролетариев."

(К. Маркс, Ф. Энгельс, ПСС, т.7, стр.261)

[2] Цитата взята не из выступлений Ленина на X съезде РКП(б), а из его брошюры "О продовольственном налоге", вышедшей после съезда (см. ПСС, т.43, стр.206). Причем в данном случае Ленин приводит отрывок (включающий рассматриваемую цитату) из своей более ранней работы "О "левом" ребячестве и мелкобуржуазности", напечатанной 9, 10 и 11 мая 1918 г. в газете "Правда". (ПСС, т.36, стр.283-314)

[3] Как и в случае примечания [2] цитата взята из брошюры "О продовольственном налоге". (ПСС, т.43, стр.222)

[4] Грибуй - персонаж французской басни для детей, известный тем, что он, спасаясь от угрозы намокнуть под дождем, погрузился в озеро. Это имя стало нарицательным и в разговорной речи означает простак, простофиля. В статье политикой Грибуя называется такая политика, которая, исходя из отказа от любых компромиссов с капитализмом, предпочитает, в данном случае, оставить власть в руках буржуазии.

КРИТИКА ТЕОРИИ "ДЕФОРМИРОВАННОГО РАБОЧЕГО ГОСУДАРСТВА"

Троцкизм, который в нынешнюю эпоху глубокой контрреволюции считается течением экстремистским, является лишь фланговым авангардом русского империализма, а теоретически и в плане повседневной политики ничем иным как демократическим вариантом буржуазной мысли. Отстаивая с шумом и гамом свое право на имена Ленина и Троцкого, он не перестает попирать ногами марксизм, неизменную революционную доктрину, только лишь реализаторами которой желали быть эти два руководителя Октябрьской революции.

Мы не имеем намерения в этом кратком исследовании опровергать тактические позиционные приемы различных групп, которыми пользуются закоснелые путаники, неисправимые активисты и невольные союзники "сталинизма", на разгром которого они претендуют, но который они фактически прикрывают слева, настаивая на оценке России как "деформированного рабочего государства", а партий, зависящих от Москвы, как "рабочих партий".

Мы ограничимся здесь строжайшей марксистской критикой теории "деформированного рабочего государства". Невозможно объяснить коммунистическую тактику тем, кто не знает первооснов исторического материализма. Сталкиваясь с проблемой понимания того, является ли бюрократия классом или кастой (две абсурдные позиции), троцкистские активисты преданно повторяют катастрофический вздор "Преданной революции", говоря себе, что, в конечном счете, различие между бюрократией и буржуазией не столь велико и что главное - это проявлять активность.

В действительности же, в зависимости от ответа, который те или иные деятели дают на вопрос о "природе СССР", они являются или марксистами или антимарксистами. То, что троцкисты являются демократическими врагами марксистской доктрины мы докажем на следующих страницах. Пока же мы предложим последователям позднего Троцкого краткое правило коммуниста Троцкого времен гражданской войны: "Действительность не прощает ни единой теоретической ошибки".

**Двойная революция в России: капитализм - в экономике,
коммунизм - в политике**

Для того, чтобы понять значение борьбы в большевистской партии в годы последовавшие после смерти Ленина, абсолютно необходимо иметь четкое понимание того, чем была русская революция, в т.ч. каким было и каким должно было быть ее социально-экономическое содержание. Сегодняшние троцкисты в своем необоснованном энтузиазме по отношению к теории перманентной революции, которая сама по себе ошибочна и которую некоторые из них сделали подлинно метафизической, имеют привычку считать Октябрьскую революцию социалистической, не задавая себе более вопросов на эту тему. Здесь и начинаются их ошибки. В самом деле, если верно будет напомнить, что большевистская партия была партией марксистской и имела целью, в качестве таковой, разрушение капитализма, то нет ничего более смешного, чем называть "социалистическими" "производственные отношения, вышедшие из Октябрьской революции" или претендовать на то, что эта революция "разрушила капитализм". Это утверждение могло бы вызвать у Ленина гомерический хохот, если бы он имел возможность его услышать из уст троцкистов, которые ссылаются на его имя.

В первые годы XX века в России все течения, ссылаясь на Маркса, которого фальсифицировали тогда с меньшим бесстыдством, чем сейчас, сходились в признании того, что предстоящая революция будет буржуазной. Сам Троцкий, который в статье, озаглавленной "Три концепции русской революции", представил, соответственно, взгляды меньшевиков, Ленина и свои собственные, сам это недвусмысленно признал. Одна из самых серьезных слабостей Троцкого выразится именно в том, что он забудет впоследствии, что в области экономики Октябрьская революция была революцией буржуазной, даже если политически именно пролетариат возглавил ее и смог использовать ее, посредством большевистской партии, для установления своей собственной диктатуры. Перед Октябрьской революцией, во всяком случае, никаких сомнений не было; экономические задачи революции были очевидны: земельные собственники должны

быть лишены своих привилегий, а феодализм уничтожен, должна была получить развитие современная крупная промышленность, а законы рынка пущены в ход на всей территории старой России. Социально-экономические мероприятия, которые осуществила бы революционная власть, должны были быть буржуазными, т.е. имевшими единственную цель: разбить препятствия к капиталистическому развитию производительных сил.

Однако пролетариат не мог оставаться совершенно нейтральным между буржуазией и царизмом. Его интересы были на стороне буржуазно-демократической революции как можно более радикальной. Сколько раз Ленин, прямой последователь Маркса, противопоставлял буржуазно-демократическую революцию "по-французски" буржуазно-демократической революции "по-русски", революцию "снизу" и революцию "сверху". Неотвратимое развитие капитализма в России могло осуществиться либо в результате восстания широких крестьянских масс, ведомых пролетариатом, либо компромиссом между буржуазией и земельными собственниками. Этот последний, весьма вероятный путь развития капитализма, был путем на который вступил Столыпин, который хотел с помощью умеренной аграрной реформы создать слой среднего крестьянства, который мог бы служить буфером между крестьянскими массами, лишенными земли, и властью дворянства. Если бы эти маневры имели успех, детонатор крестьянского восстания был бы вынут, и земельные собственники смогли бы мирно трансформироваться в капиталистов. Русский капитализм приобрел бы неразвитые формы, а рабочий класс, целиком включенный в средневековые условия, складывался бы с трудом.

Ленин был за восстание. Тот, которого промосковские партии представляют сегодня как настоящего Ганди земли русской и (насмешка!) как сторонника мирного перехода к социализму, не прекращал всю свою жизнь призывать от имени рабочей партии крестьянские массы к восстанию. Свободный от всякого пацифизма, он признавал плодотворность революционного насилия. Он знал, что только оно способно вовлечь в свой очистительный поток всю грязь цивилизации попов, господ и погромов и расчистить почву для прямого столкновения между пролетариатом и капиталом. Перспективой партии большевиков была, следовательно, перспектива радикальной

буржуазной революции. Но этот тезис будет совершенно ошибочным, если к нему тут же не добавить уточнение фундаментальной важности. С самого начала партия большевиков была партией пролетариата и имела, в качестве таковой, ясное осознание его интересов в демократической революции. Затем партия большевиков боролась за то, чтобы возглавить *революционную* демократию против *либеральной* буржуазии. Ленин напоминает об этом в 1915 году в "Нескольких тезисах": "На вопрос, возможна ли руководящая роль пролетариата в буржуазной русской революции, мы отвечаем: да, возможна, если мелкая буржуазия в решающие моменты качнется влево". (В. И. Ленин, ПСС, т.27, стр.50)

Однако, защищая этот тезис, Ленин абсолютно ничего нового не вводил. Он оставался в точности верным позиции марксистов в буржуазно-демократической революции и он это полностью сознавал. В письме Скворцову-Степанову он пишет, что "диктатура пролетариата и крестьянства" - это "классическая постановка" вопроса (В. И. Ленин, ПСС, т.47, стр.229). В "Двух тактиках социал-демократии в демократической революции" он постоянно ссылается на опыт 1848 года в Европе и на перспективу Маркса и Энгельса: чистую революцию против капитализма, двойную против феодализма. Таким образом, политическая перспектива большевиков не была ни более оригинальной, ни более парадоксальной, чем перспектива членов Союза коммунистов в Германии 1848 года: взять власть в стране, которую еще абсолютно невозможно *социализировать*, т.е. разрушить производство на отдельных предприятиях, но где, напротив, нужно пройти через всю цепь капиталистической трансформации. Действительно, эта теория была бы абсурдной и радикально отрицала бы все основные тезисы исторического материализма, если бы марксисты не были, прежде всего, интернационалистами и если бы они рассматривали коммунистическую революцию как национальный феномен. Но так как они всегда рассматривали рабочий класс (растворенный во всех национальностях) как один интернациональный класс, их видение оставалось последовательным и неизменным: во всех странах мира рабочий класс борется за власть. В странах старого капитализма он борется один против всех других классов. В странах, которые еще не совершили своих буржуазных революций, он борется за то, чтобы избежать всегда губительной мирной трансформации для того, чтобы

возглавить силы готовые к восстанию, т.е. в основном большие массы безземельных крестьян и городской мелкой буржуазии.

В передовых странах диктатура пролетариата будет иметь возможность попробовать непосредственно ввести производственное планирование в физических единицах. В других, в ожидании расширения революции, она будет руководить капитализмом, концентрируя все возможные производительные силы в руках государства, применяя меры для защиты класса наемных работников, невозможные в тех же обстоятельствах для буржуазной партии. Во всех случаях взятие власти пролетариатом есть ничто иное как первая волна мировой революции, которая должна победить или быть побежденной; либо она подтолкнет другие революции и распространится посредством революционной войны, либо она обречена на смерть в гражданской войне или переродиться в буржуазную власть в случае, если она должна будет управлять молодым капитализмом.

Этой перспективе Ленин оставался верен на протяжении всей русской революции, по меньшей мере в том, что касается интернациональных *политических* задач партии и революционной власти в России, даже если формулировки по вопросу "строительства социализма в России" в контрасте с логикой его позиции создала катастрофическую двусмысленность, эксплуатируемую позже сталинистами.

В работе "Грозящая катастрофа и как с ней бороться" он представляет мероприятия, которые осуществляют большевики, если придут к власти. О всех этих мероприятиях он ясно говорил, что все они применяются всеми воюющими странами и что они не имеют абсолютно никакого социалистического характера. В его фундаментальной работе об экономической структуре пост-революционной России "О продовольственном налоге", написанной в период НЭПа, и в которой он приводит длинный отрывок из своей статьи "О "левом" ребячестве и о мелкобуржуазности", он в деталях исследует различные секторы экономики. Он называет "социалистической" крупную государственную промышленность потому, что политическая власть является властью пролетариата и потому, что победа коммунистической революции в Европе позволит перейти к социализму, который являлся еще в тот момент только "простой юридической возможностью". В 1921 году в России в борьбе, которая разворачивается в

экономике, противостоят друг другу не капитализм и социализм, но "социализм" и государственный капитализм с одной стороны и море мелких товаропроизводителей - с другой. Цель большевистской партии - направить, канализировать экономическое развитие к государственному капитализму и "социализму", т.е. к крупной государственной промышленности. Следовательно, речь ни в малейшей степени не шла о разрушении рыночной экономики и о замене ее планом производства потребительных стоимостей, а просто о том, чтобы поставить экономику на ноги и, в частности, обеспечить снабжение городов.

Для тех, кто знаком с марксистской доктриной, невозможны никакие сомнения насчет природы государственных предприятий, которую Ленин в проекте тезисов "О роли и задачах профсоюзов в условиях новой экономической политики" (ПСС, т.44, стр.342-343) и объясняет, говоря, что они должны перейти на хозяйственный расчет и получать прибыль. Преображенский также отмечает в работе "От НЭПа - к социализму", что эти предприятия функционируют по принципу финансового равновесия. И большевистское правительство, которое вынуждено было осуществить в 1922 г. девальвацию рубля, должно было хорошо знать по собственному опыту, что они еще находятся в условиях полной рыночной анархии.

Но так как мы живем сегодня в период самой глубокой контрреволюции в истории коммунистического движения, когда ничто не является более непризнанным, чем марксистская доктрина, когда троцкистская школа, в частности, способствует распространению идеи, что планирование в России (дело Сталина), национализация крупной промышленности и монополия внешней торговли демонстрируют "преимущества социализации производительных сил", необходимо объяснить, при каких условиях можно было бы квалифицировать русскую индустрию как "социалистическую" со всеми оговорками, что должно позволить четко использовать этот термин.

Представим себе на мгновение, что вместо государственных предприятий, продающих и покупающих товары, мы имеем группу предприятий, производящих по единому плану потребительские стоимости; представим, что производители, работающие на этих предприятиях, получают трудовые боны в обмен на их труд, и что с этими бонами они могли бы получать из общественных магазинов больше

предметов потребления, чем смогут купить на рынке за свою зарплату их товарищи из рыночного сектора; вообразим, наконец, что все это может производиться при уменьшении, одновременно, наполовину рабочего времени в нерыночном секторе: в этом случае можно было бы сказать не "Россия является социалистической", а "Диктатура пролетариата начинает разрушать, опираясь на командные высоты в экономике, рыночные механизмы, чтобы прийти, в конце процесса, продолжительность которого обусловлена победой международной революции, к полной регламентации производства и потребления".

В стране отсталой, как, например, Россия, было, конечно, невозможно сориентировать экономическое развитие в этом направлении: только победа международной революции могла бы это позволить в течение более или менее длительного периода; в условиях изоляции революции единственным решением для большевиков был контроль непреодолимого развития капитализма и попытка поддерживать политический союз с крестьянством. О "строительстве" социализма не могло быть и речи. Речь шла о контроле пролетарского государства над капитализмом.

Причины "перерождения"

Такова была Октябрьская революция: диктатура пролетариата над экономикой, которая должна была становиться все более и более капиталистической. Поражения революции в Европе изолировали партию большевиков на вершине государственного аппарата, который не мог делать ничего другого как организовывать развитие рыночной экономики и подрывать вследствие этого основы диктатуры пролетариата. В своей борьбе против сталинизма левая оппозиция в партии большевиков с 1923 по 1927 годы продемонстрировала немало мужества, но ей не хватило проницательности, т.е. можно сказать, что она также в значительной степени была покорена взлетом молодого русского капитализма. Можно даже утверждать, что Троцкий так никогда и не понял истинного и точного значения сталинской контрреволюции. Колебания левой, а затем и объединенной оппозиции в признании в Сталине настоящего врага доказывает это в достаточной степени. Оппозиция долго видела в генеральном секретаре только писаря контрреволюции, представленной правым крылом

Бухарина, которое считалось передаточным звеном давления крестьянских масс на партию. Троцкий допускал даже союз со Сталиным против Бухарина, полностью отвергая любую идею совместной борьбы с последним против центра Сталина, который должен был стать, однако, их убийцей.

После его отказа от продолжения НЭПа и полемики по поводу ценовых ножиц, Троцкий боялся только одного: что порвется хрупкий союз рабочих и крестьян. Встревоженный появлением сильной социальной дифференциации в деревне, полностью поглощенный выслеживанием наступления кулака, он не видел контрреволюцию за своей спиной. Будучи защитником быстрого, планового развития промышленности, которое должно было помешать разрыву союза между крестьянством и рабочим классом, он тут же забыл, что государственная промышленность не ограничивается "использованием методов капиталистического счетоводства", но что она сама в действительности была капиталистической. А его политика ускоренной индустриализации и борьбы против кулака если и имела преимущество над политикой Бухарина в смысле ослабления частного накопления в деревне, представляла парадоксально огромное неудобство усилением "бюрократии" государственного сектора.

Здесь находится настоящий узел проблемы: капиталистическая контрреволюция, или, говоря по Ленину, "устряловщина" была представлена в самом сердце сектора, который Троцкий по привычке продолжал называть "социалистическим". Она совмещается с развитием товарного производства, абсолютно необходимого для выживания партии большевиков и которое, однако, повседневно подрывает основы ее господства.

Деятели, назначенные на руководство предприятий, не могли в одно и то же время применять критерии капиталистической рентабельности, т.е. выполнять роль передаточного механизма капиталистического накопления, и вечно оставлять неизменными свои коммунистические убеждения. Вынужденная управлять экономикой против собственной воли, потому что капиталисты это делать отказались, партия была поглощена этой деятельностью: она усиливалась как партия, но теряла в то же время свой марксистский характер. Книги троцкистской оппозиции достаточно хорошо показали (и с полным на то основанием) чрезвычайные изменения в

социальном составе государственного аппарата и партии, поэтому у нас нет необходимости к этому возвращаться.

Контрреволюция была совершена, когда деятели, которые были поставлены во главе государственной промышленности, открыто провозгласили голосом Сталина, что они прекращают рассматривать мировую революцию как свою цель, предпочитая гигантскому и опасному делу международного ниспровержения капитала кропотливое и бюрократизированное применение его законов на территории старой России.

Таково марксистское объяснение "перерождения СССР": Октябрьская революция, посредством которой коммунистический пролетариат захватил власть, могла только разорвать феодальные путы для капиталистического развития производительных сил. Диктатура пролетариата в политике, капитализм в экономике - такова формула НЭПовской России. С помощью мировой революции большевистская партия могла бы укротить рыночную экономику и ввести следом социализм. Изолированная на вершине громадной капиталистической машины, предоставленная самой себе, она изменила свою природу под воздействием рыночных механизмов, которые превратили ее в передаточный механизм капиталистического накопления. Старая фаланга, оказавшая сопротивление, была уничтожена.

II

Троцкистская "теория"

Вплоть до 1933 г. Троцкий сурово осуждал любую попытку борьбы со сталинизмом иначе, чем посредством внутренней реформы. Сталину, последовательному выразителю интересов класса рыцарей капиталистического накопления, который в ответ на выпады Троцкого против бюрократии гордо отвечал: "Эти кадры можно снять только гражданской войной", левая оппозиция отвечала гибельным призывом к единству; контрреволюция уже свершилась, но оппозиция этого не осознавала, когда с убийственной покорностью заявляла: "Наша задача заключается в том, чтобы сохранить единство партии во чтобы бы то ни стало, дать решительный отпор политике раскола, откола, исключений, отсечений и тому подобное - и в то же время обеспечить

партии возможность свободно обсудить и разрешить все спорные вопросы в рамках единой партии" (Проект Платформы большевиков-ленинцев (оппозиций) к XV съезду ВКП(б), "Архив Троцкого", М., 1990, т.4, стр.152).

Оценка Советского государства, данная Троцким в 1931 году, очень хорошо выражена в следующем высказывании: "Признание нынешнего Советского государства как государства рабочего означает не только то, что буржуазия может вновь захватить власть лишь путем вооруженного восстания, но также и то, что пролетариат СССР не утратил возможности подчинить себе бюрократию или возродить партию и исправить режим диктатуры без новой революции и путем реформы". Перед тем, как сделать шаг в сторону "политической революции", Троцкому пришлось пережить приход Гитлера к власти, событие, которое он рассматривал, как 4 августа Третьего Интернационала. Именно это событие и побудило его рассмотреть вопрос о создании "Четвертого Интернационала".

Однако, две позиции, последовательно, одна после другой занимаемые Троцким, позиции "советского реформиста" и сторонника "политической революции" против "бюрократии", опирались на одну и ту же теорию, которая определяла СССР как "деформированное рабочее государство". Эта теория, оригинальное изобретение Троцкого периода его политического поражения и изгнания, есть чистейшее отступление от марксизма как критики политической экономии.

Она может быть сформулирована следующим образом: "Огосударствление земли, средств промышленного производства, транспорта и обмена, при монополии внешней торговли, составляет основу советского общественного строя. Этими отношениями, заложенными пролетарской революцией, определяется для нас, в основном, природа СССР как пролетарского государства" (Л. Троцкий, "Преданная революция", М., 1991, стр.206).

В самый разгар контрреволюции Троцкий ожесточенно боролся против Сталина, обвиняя его в том, что он представляет бюрократическую касту и своей политикой ставит под угрозу "пролетарские основы государства": бюрократия слишком много потребляла и тормозила, таким образом, экономическое развитие, она противилась рабочей демократии и "деформировала", таким образом, планирование. В международном плане, пойдя на союзы с буржуазными госу-

дарствами, она ослабляла СССР. До последнего дыхания бывший руководитель Красной Армии постоянно твердил, в оправдание своей политики политической революции и защиты СССР, о необходимости сохранить "пролетарские основы государства".

К сожалению, эти "пролетарские основы" не были ни пролетарскими, ни основами.

Основы СССР

Государство (и это базовое положение марксизма) не является обществом. Однако, государство имеет свои корни в обществе, и всякое общество, в котором существует государство, является классовым обществом. Классы, в свою очередь, зиждятся на разделении труда, следствии развития техники и, через ее посредство, господства человека над природой. Следовательно, считать, что юридические категории и категории политической экономии составляют основу государства, значит оказаться в лагере исторического идеализма. Эта критика вытекает из элементарного марксизма. Элементарного настолько, что обыкновенный профессор права на факультете права и экономических наук университета г. Бордо, господин М. Ж. Лажюжи, может позволить себе утереть нос Троцкому в области общественного анализа. В своем сборнике "Что я знаю?", посвященном изучению "экономических систем", он начинает свое изложение на тему "коллективистской экономики", реализацию которой он видит в России, следующими словами: "Коллективистская экономика сохраняет технические характеристики капиталистической системы. Она отличается от нее только с точки зрения юридической и психологической".

Разделяя буржуазные иллюзии своих ученых коллег насчет социалистического характера современной России, г-ну Лажюжи принадлежит, по меньшей мере, заслуга в умении различать разные уровни анализа, забывая, однако, о главном, "экономическом" уровне, и мы охотно предоставляем ему право воображать, что право и психология в брежневской России совершенно иные, чем в "западных" странах. Для нас здесь важно то, что профессор начал с техники. Несмотря на все возможные оговорки в отношении этого термина, примем его, подвергнув необходимой трансформации. Вместо техники (слово, которое обозначает различные способы, используемые

человеком в его борьбе с природой, а не фактическое и в определенных пропорциях применение этих способов) мы напомним: производительные силы.

Если бы нам теперь было необходимо дать материалистическое определение "основ СССР", мы бы не написали необдуманно во втором столбце, посвященном вопросам права: "национализация земли, крупной промышленности, монополия внешней торговли". Мы сохранили бы полное спокойствие по отношению ко всем политическим иллюзиям и столбец, посвященный производительным силам, начали бы словами: современная развивающаяся промышленность, осуществляющая серийное производство и использующая ассоциированный труд на предприятиях продающих и покупающих товары. Если бы мы добавили при этом: обработка земли, осуществляемая, частично, государственными предприятиями, а по большей части предприятиями кооперативными, которые продают свою продукцию государству и в которых индивидуальный производитель имеет личный земельный надел в своем неограниченном пользовании, мы правильно бы определили "основы" русского государства. Это дало бы нам картину постоянно растущего пролетариата и неизбежного исхода населения из сельской местности. И если бы мы не знали к какой исторической категории отнести понятие "государственная собственность", мы должны были бы проанализировать политику правящей партии: борьба за мировую революцию или борьба за развитие национальной экономики? Ответ на этот вопрос позволил бы нам прийти к окончательному выводу: политическая власть пролетариата в развивающейся капиталистической стране или политическая власть накопителей капитала.

Однако Троцкий действует иначе. Что ему кажется определяющим в России - это комплекс юридических и политико-экономических мер, которые составляют "пролетарский фундамент государства": пока не осуществляется возврат к частной собственности на основные средства производства, пока осуществляется планирование, невозможен, полагал Троцкий, "возврат" к капитализму.

Беда, однако, в том, что из него никогда не "выходили", в рамках одной России это невозможно, и что экономические мероприятия, осуществленные большевиками, а позже сталинское планирование, провозглашенное Троцким как победа, были полностью совместимы с

капитализмом. В то время, правда, подобные меры еще не были приняты ни одной страной. Сегодня (и хотя, безусловно, не опыт, но именно теорию можно считать источником истины в этой области) практически все они (за исключением национализации земли) осуществлены теми или иными государствами, рожденными в конце второй мировой войны вследствие советской оккупации или вооруженной борьбы за национальную независимость. В сущности, речь идет о мерах государственного регулирования экономики в той мере, в какой это регулирование совместимо с законом стоимости.

Монополия внешней торговли имеет целью запретить частному капиталу непосредственно вступать в контакт с границей. Весь обмен должен проходить через руки государства, которое стремится, таким образом, стать универсальным торговцем. В своих "Экономических новостях" Преображенский подробно объясняет как можно таким способом, в целях накопления в государственном секторе экономики, взимать дань с крестьянства экспортирующего зерно. В данном случае эта мера санкционирует борьбу мелкого капитала против государственного и победу последнего. Кроме того, запрещая каждому государственному предприятию вступать в контакт с границей на свой собственный счет, эта мера защищает планирование, которое без нее немыслимо, а заодно благоприятствует появлению разделения труда в национальном масштабе и становлению развитой и сбалансированной промышленности. Столь авторитетный западный наблюдатель как г-н Самюэль Пизар, бывший советник президента Кеннеди, не строит себе никаких иллюзий насчет "рабочего" или "социалистического" характера монополии внешней торговли. Рассматривая все неудобства, которые эта мера представляет для развития американской торговли, оплакивая всю бюрократическую неповоротливость этой системы, он, однако, не видит в ней никакого "социализма", а только протекционистскую меру русской промышленности против американских конкурентов. Безо всякого почтения перед ухищрениями троцкистов, он пишет: "Государственная торговля не является советским изобретением. Ее истоки восходят к итальянским городам средневековья. Она не является больше достоянием коммунистического мира" ("Оружие мира"). Социализм - есть упразднение торговли и к социализму можно двигаться только ограничивая торговлю. В настойчивом осуществлении монополии

внешней торговли в России, в падении которой троцкизм увидел бы попытку "поворота" к капитализму, мы видим только поддержку энергичной политики накопления капитала в руках государства.

Национализация, вторая опора рабочего государства, также является мерой полностью совместимой с господством капитала, иногда даже абсолютно необходимой для его сохранения и которая не содержит в себе ни грамма социализма. Это всегда было ясно для марксизма. Экспроприация отдельных капиталистов и акционерных обществ в пользу государства - это мера к которой ведет все развитие современного капитализма и которая настоятельно необходима во всех ведущих странах, особенно в военный период. Социализм, который представляет из себя разрушение пролетарской диктатурой всех рыночных отношений благодаря установлению плана в физических единицах, есть полная противоположность этой экономической политики, которая стремится преодолеть рыночную анархию с помощью железной руки государства, но которая, однако, ее сохраняет. В России времени НЭПа большевистская партия пыталась контролировать рыночные механизмы и, по мере возможности, организовывать экономическое развитие капитализма, не теряя и для того, чтобы не потерять экономическую власть, потому что продолжение политики реквизиций или простой экономической застой привел бы к немедленной крестьянской контрреволюции. Национализация крупных предприятий никоим образом не уничтожила их капиталистического характера, потому что экспроприация капиталистов, даже если она осуществлена диктатурой пролетариата, не может на следующий же день полностью изменить характер производственных отношений, а может лишь начать разрушение тех отношений, которые были унаследованы от капитализма: а ведь в России, если национализация и устранила частных собственников, она, тем не менее, должна была служить не разрушению капиталистических производственных отношений (что было бы возможно только в случае победоносной революции в Европе), а их развитию.

Вообще говоря, не экспроприация капиталистов стоит в центре коммунистической доктрины, для которой классы есть следствие существования определенных способов производства, а разрушение экономического механизма, порождающего эти классы. Маркс повто-

рял это всю свою жизнь, даже если сегодняшние торжествующие контрреволюционеры пытаются сдать в архив требование отмены наемного труда, чтобы подменить ее чисто капиталистической мерой, национализацией основных средств производства и обмена. И Энгельс блестяще доказал, что централизация капитала в руках государства есть тенденция, к которой стремится капитализм, и что подобная централизация совершенно чужда социализму, даже если она и является его непосредственным преддверием: "Но ни переход в руки акционерных обществ, ни превращение в государственную собственность не уничтожают капиталистического характера производительных сил... Современное государство, какова бы ни была его форма, есть по самой своей сути капиталистическая машина, государство капиталистов, идеальный совокупный капиталист. Чем больше производительных сил возьмет оно в свою собственность, тем полнее будет его превращение в совокупного капиталиста и тем большее число граждан будет оно эксплуатировать. Рабочие останутся наемными рабочими, пролетариями. Капиталистические отношения не уничтожаются, а, наоборот, доводятся до крайности, до высшей точки". ("Анти-Дюринг", К. Маркс, Ф. Энгельс, Соч., т.20, стр.289-290).

Что касается национализации земли, то она, конечно, является мерой радикальной, но радикальной буржуазной мерой, за которую ратовал уже Рикардо, и которая имеет цель полностью уничтожить монополию земельных собственников. В мае 1917 г. Ленин еще раз напоминает об этом: "Может ли большинство крестьян в России потребовать и ввести национализацию земли? Несомненно, да. Есть ли это социалистическая революция? Нет. Это еще буржуазная революция, ибо национализация земли такая мера, которая совместима с капитализмом". (ПСС, т.31, стр.302).

"Планирование" является третьим столпом рабочего государства согласно троцкистской теории, столпом, тщательно охраняемым жалкими церберами, которые истошно вопят против "сталинской бюрократии" всякий раз, когда она делает вид, что хочет "разрушить планирование". Следует отметить, что Троцкому потребовалось немало героизма, чтобы признать введение планирования (осуществленное правительством Сталина в 1929 году после подавления всего, что могло оставаться интернационалистского в том, что осталось от большевистской партии) одним из "главных завоеваний Октября".

Немало героизма, это, впрочем, не совсем точно: следовало бы сказать немало слепоты. Полагая, что защищает все, что осталось в СССР пролетарского, несмотря на диктатуру бюрократии, он, на самом деле, пел дифирамбы устряловской контрреволюции. В одной из глав "Преданной революции", многозначительно озаглавленной "Что достигнуто?", он писал: "С господами буржуазными экономистами спорить более не о чем: социализм доказал свое право на победу не на страницах "Капитала", а на хозяйственной арене, составляющей шестую часть земной поверхности; не языком диалектики, а языком железа, цемента и электричества". Контрреволюция победила и в этой плоскости: троцкистское течение, которое полагало, что борется с ней, было, фактически, подчинено ею и также принялось воспевать планирование, рассматриваемое как социалистическое. В действительности же, в России никогда не было ничего иного, кроме простого чисто капиталистического планирования.

Высокие темпы роста в ходе первых пятилеток были не результатом чудодейственных (?) рецептов планирования, которое обладало, якобы, свойством заставлять чудесным образом заводы вырастать из-под земли, а результатом стремительного рывка молодого капитализма, стартовавшего с очень низкого уровня. Впрочем, темпы экономического развития были более высокими в 1922-26 годах без какого-либо планирования, чем в ходе выполнения первого пятилетнего плана. Затем, как и в экономике любого капиталистического государства, независимо от чьей-либо планирующей воли, темпы стали постоянно уменьшаться, вплоть до второй мировой войны. После выхода из этой омолаживающей бани, помолодевшая, как и, пусть и в разной степени, все капиталистические страны, Россия постепенно еще более замедлила свое развитие, с тем, чтобы познать сегодня темпы экономического роста ниже, чем у Японии и Германии, тайну, которая лишает голоса запоздалых защитников деформированного рабочего государства. "Превосходство" советской общественной формации исчезло из их официальных заявлений.

Однако, в высшей степени важно отметить, что более быстрые темпы роста русской экономики в течение более длительного периода, не засвидетельствовали бы, на наш взгляд, ничего другого, как только более мощный характер взлета молодого русского капитализма.

Сегодня, (в 1972 г.) жалкие ухищрения официальной пропаганды русского империализма способны вызвать лишь улыбку. В январском номере "Советских исследований" можно найти следующее триумфальное утверждение: "Темпы промышленного роста страны Советов намного превышают темпы развитых капиталистических стран, таких, как Соединенные Штаты или Великобритания". Наши русские ученые просто обязаны были "забыть" о Германии и Японии, для того, чтобы продать свой идеологический товар в качестве "научного".

Никто не знает лучше чем сами русские "бюрократы", что они не управляют производством: пятилетний план первых лет индустриализации (затем перешли к семилетнему плану и к плану с неопределенными сроками) подразделялся на пять годовых планов, которые, в свою очередь, сами включали в себя планы квартальные, региональные и т.д. ... с тем, чтобы они в любой момент могли быть пересмотрены. А почему план должен быть пересмотрен? Потому что экономическая машина, движимая капиталистическими противоречиями (капитал есть движение различных капиталов, пишет Маркс во втором томе "Капитала") не подчиняется государству. Потому что планирование является не средством для ликвидации денег и классов, но обычной экономической политикой.

Правительство Сталина само дало (имеющий уши да слышит!) самое великолепное опровержение своих социалистических претензий; когда выдвинуло лозунг, этот крик души, полный волюнтаристского неистовства: пятилетку - в четыре года! Смысл коммунистического планирования (как на низшей, так и на высшей фазе коммунизма) заключается в ликвидации противоречия между общественным характером производства и частным (посредством отдельных предприятий) характером присвоения. Следовательно, его цель - производить точно по потребностям. Производитель, при этом, не является более эксплуатируемым, никакой "экономический закон" не стоит более между обществом и природой, между его одушевленными и неодушевленными субъектами, производство функционирует без перебоев и без спешки, с регулярностью садовника, копающего свои грядки, выполняя свою задачу без особых усилий. Однако, в стране Генералиссимуса, производственные планы, пусть и постоянно корректируемые, никогда полностью не выполнялись. "Экономисты" (это гнусное отродье исчезнет уже с первых шагов социалистического

общества) предавались красноречивому ритуалу составления “коэффициентов выполнения плановых показателей”. Уже одного факта постоянных колебаний этих показателей было бы достаточно, чтобы убедить нас в капиталистическом характере экономики, неконтролируемый механизм которой находится в постоянной борьбе с решениями политического руководства, и которая со всей очевидностью доказывает, что она не является результатом сознательной деятельности обобщественной силы труда производителей.

Но и констатация другого, вызывающего еще большее смущение факта, приводит нас к тому же выводу: если показатели выполнения плана постоянно меняются, то одобрение политической власти получает лишь один вариант изменений: изменение “в сторону повышения”. Однако с точки зрения коммунизма, т.е. точки зрения на производство исключительно для удовлетворения потребностей, такой вариант был бы более нежелательным, чем изменение в сторону понижения: во втором случае достаточно было бы несколько ограничить потребление, тогда как в первом подразумевается, что производители испытали чрезмерное перенапряжение сил. Таким образом, нам ничего более не остается, как задать один наивный вопрос, чтобы понять, как нам рассматривать характер производства в России: как только план выполнен, следует ли прекращать работу?

В самом деле, уже один тот факт, что показатели планирования в России одновременно выражены и в потребительных стоимостях и в денежных величинах, уже должен дать нам ответ: продукты труда, облаченные одновременно в форму и потребительной и меновой стоимости, являются, стало быть, товарами, а производство остается капиталистическим производством. В российских планах потребительная и меновая стоимости претендуют на сосуществование: в действительности же, как и везде, где продукты труда принимают одновременно формы меновой и потребительной стоимости, первая является определяющей; вторая служит лишь средством передвижения для первой, или, говоря словами Маркса, производство стали есть лишь предлог для производства прибавочной стоимости.

Мы имеем здесь перед собой проблему ключевого значения. Чтобы объяснить живучесть рыночных категорий в СССР, теоретики режима утверждают, что они просто используются планирующими органами в целях облегчения счетоводства. Эта теория обнаруживает, к

сожалению, свой источник в деформациях марксистской теории, которыми сопровождалось пришествие НЭПа, виновниками которых были деятели левой оппозиции во главе с Преображенским.

“Использование” или подчинение

В 1922 году Троцкий заявлял, что в крупной государственной промышленности “нет классовой эксплуатации и нет капитализма, даже если в ней и существуют какие-то его формы”. Вне всякого сомнения, он хотел этим сказать, что было бы неверным отделять природу политической власти от экономического анализа и, что, поскольку политическая власть находилась в руках пролетариата, нельзя было рассматривать Россию таким же образом, как государство, в котором товарная форма производства сочетается с политической властью буржуазии. Однако, подобная формулировка таила в себе опасность; во избежание любой двусмысленности нужно было бы ясно сказать: капитализм в экономике, желание перейти от капитализма к коммунизму посредством борьбы за мировую революцию, в политике. Такая формула позволила бы избежать всех гибридных теоретизирований (процветанию которых существенно способствовала материальная контрреволюция, но которые с дьявольской ловкостью использовали обычные приблизительные оценки в теоретических формулировках левой оппозиции) насчет “посткапиталистического” характера государственных предприятий в России. Таким образом могла бы быть сохранена во всей своей ясности марксистская перспектива последовательной смены способов производства, согласно которой капитализм на первом этапе был бы свергнут путем завоевания власти коммунистической партией, а затем разрушен как способ производства специфическими мерами деспотического вмешательства в производственные отношения, такими как отмена бухгалтерского учета отдельными предприятиями, радикальное сокращение продолжительности рабочего дня и т.д.... Вместо этого, троцкистские построения позволяют думать, что можно отделить капитализм от его “методов” и что в России ограничивались применением последних только по причине их удобства.

Однако подобные утверждения политической власти пролетариата, претендующей на “использование капиталистических

методов” столь же смешны, как претензии нашей доброй старушки-Земли, если бы она вздумала объявить, что она ограничивается “использованием” Солнца для того чтобы себя освещать. Правда, такое мнение, согласующееся с внешней видимостью, долгое время было мнением всего человечества. Тем не менее оно не соответствовало действительности. Речь шла о простой “видимости”. Но также как невозможно, чтобы Земля освещала себя с помощью Солнца, не обращаясь вокруг него, не подчиняясь ему, не повинаясь целой серии строгих законов, точно также невозможно, чтобы государство лишь использовало методы капиталистического счетоводства, не подчиняясь необходимости накопления капитала, полностью повинаясь целой серии законов, столь же неумолимых, как и законы физики. Методы капиталистического счетоводства не могут существовать без обращения товаров, обмена, стоимости, эксплуатации, так же, как освещение Земли не может существовать без Солнечной системы в целом. И когда в ходе коммунистической революции исчезнут эксплуатация, стоимость и обмен, исчезнут одновременно и “методы капиталистического счетоводства”.

В России каждое предприятие ведет свой собственный бухгалтерский учет, имеет собственную систему финансового равновесия; каждое предприятие - это капитал, или точнее момент, фаза индивидуального капитала, которая в нем воплощена после того как он имел денежную форму и перед тем, как вновь стать товарным капиталом. Нам могут возразить, что в России больше не существует конкуренции, потому что все значительные промышленные предприятия проинанализированы государству. Этот тезис был бы вполне приемлемым, если бы мы согласились с той нелепой идеей, что конкуренция равнозначна соревнованию, имеющему цель произвести тот или иной предмет как можно лучшим способом в целях получения наилучшей потребительной стоимости. В этом случае концентрация производства определенного предмета устраняет соревнование и все начинают производить одно и то же. Однако, марксисты никогда не признавали своим подобное представление о конкуренции: для них конкуренция - это борьба за деньги, а не моральное соперничество. Кроме того, они никогда не рассматривали деньги (доллары, рубли или юани) как вещь, как костяшки на счетах, служащие для произведения счетных операций в интересах “народного благосостояния”, но всегда как

выражение общественных отношений. И деньги, которые циркулируют во всех трестах и на всех предприятиях одного и того же треста, служат здесь напоминанием нам, что они представляют собой среднее общественное время труда, которое есть мера всех вещей, а все вещи, в свою очередь, являются лишь его выражением. Любой продукт, с которым они имеют дело и который является ничем иным как товаром есть простой символ капитала. Конкуренция различных капиталов (т.е. сам Капитал) не отменяется трансформацией какой-либо отрасли промышленности в государственный трест. Она продолжается между различными отраслями, между различными частями одной и той же отрасли, которые вступают в отношения друг с другом посредством денег. Именно на предприятии, этой базовой ячейки капиталистического общества, и разыгрывается драма; потому что конкуренция различных капиталов, которые, в конечном итоге, должны производить прибавочную стоимость, есть ожесточенная борьба каждого завода, каждой отрасли по выжиманию соков, и как можно в большем количестве, из пролетариата, из его мозга и мускулов. Капитал не может быть разрушен простыми юридическими мерами, но лишь сломом всей сети его предприятий и упразднением денежной фазы в его метаморфозах. Какими бы ни были иллюзии в отношении денег, основная истина заключается в следующем: именно на предприятии пролетариат попадает под пресс эксплуатации, именно в этой мрачной пещере, по выражению Маркса, он следует за человеком с деньгами, для того, чтобы подвергнуть себя жестокому ограблению.

Из всего сказанного выше мы делаем вывод, что утверждение, согласно которому в России одновременно существуют и наемный труд и социалистическое планирование (или, согласно более скромному, хотя и почти лишенному смысла, определению, что оно не является более капиталистическим) есть ложь и предательство пролетариата. Мы торжественно провозглашаем этот тезис, выражающий одновременно уверенность в верности нашей доктрины и наши революционные надежды: капитал не нужно планировать, его нужно разрушать.

В России никогда (исключая период военного коммунизма и в качестве средства, необходимого для того, чтобы продержаться в “осажденной крепости”) не было производства, планируемого исклю-

чительно в потребительных стоимостях. Никогда капитал не был разрушен, ибо для этого не было условий: он лишь одно мгновение контролировался диктатурой большевистской партии, затем он разрушил эту партию. Начиная с момента провозглашения контрреволюционного тезиса о "социализме в одной стране", те, кто защищает русское планирование являются врагами: они защищают плановую эксплуатацию русского пролетариата. Вопреки тому, что утверждают эти люди (в первых рядах которых мы, к сожалению, должны поместить самого Троцкого), это не русские бюрократы ведут к "разрушению планирования"; расточительство, так часто описываемое в троцкистской литературе, является результатом не "жадности бюрократов" (происхождение которой само должно получить объяснение), но результатом капиталистической анархии, самим фактом существования рыночных отношений. Подлинной действующей силой разрушения планирования в России являются пролетарии, когда они противятся эксплуатации, когда они отказываются вкалывать до седьмого пота ради "плановой прибыли", безо всякого уважения к слабоумным сторонникам "экономического прогресса".

В России, как и в других странах, зигзагообразные кривые, которые можно видеть на производственных графиках отражают два типа противоречий, которые являются двумя аспектами одной и той же системы, противоречия, которые соответствуют нехваткам товаров и их затовариванию, и противоречия, которые соответствуют забастовкам или глухому, упрямому сопротивлению эксплуатации русского пролетариата, врага капитала и славного саботажника Плана.

Социализм и заработная плата

Начав с уклонения от недвусмысленного заявления о том, что государственная промышленность периода НЭПа не ограничивалась "использованием" методов капиталистического счетоводства, а на деле была капиталистической и думая таким способом найти в русской экономике зародыш социализма, Троцкий, после 1929 г., создавая новую теорию, будет утверждать, что в России средства потребления являются товарами в силу их нехватки, но что средства производства таковыми не являются. Лишь диктатура большевистской партии, пока она, вопреки рыночным механизмам, удерживалась у власти, могла

гарантировать дальнейшее развитие в сторону социализма, но лидер левой оппозиции дошел до полного отрицания марксистской теории в книге "Преданная революция", объявив наемный труд совместимым с социализмом. Вот строки, в которых Троцкий, одним махом, выбрасывает за борт весь марксизм: "Граждане участвуют, однако, в национальном предприятии не только как акционеры, но и как производители. На низшей ступени коммунизма, которую мы условились называть социализмом, оплата труда производится еще по буржуазным нормам, т.е. в зависимости от квалификации, интенсивности и пр.." (Л. Троцкий, "Преданная революция", М., 1991, стр. 199). Таким образом, тезис, в котором Маркс напоминает, что любое право, в качестве применения равной меры к неравным индивидам, неизбежно является несправедливым, что "справедливость" заключается именно в упразднении права, и что применение единых норм потребления к разным людям на низшей ступени коммунизма будет в некотором роде пережитком буржуазного права, этот великолепный тезис, который разбивает любой идеалистический утопизм, находит у Троцкого печальное применение для того, чтобы контрабандой ввести наемный труд в социализм. Текст Троцкого не склонен ни к малейшей двусмысленности: "Коммунистический строй не может, однако, прийти непосредственно на смену буржуазному обществу... На первых порах своих рабочее государство не может еще позволить каждому работать "по способностям", т.е. сколько сможет и захочет, и вознаграждать каждого "по потребностям", независимо от произведенной им работы. В интересах поднятия производительных сил оказывается необходимым прибегать к привычным нормам заработной платы, т.е. к распределению жизненных благ в зависимости от количества и качества индивидуального труда. Маркс называл этот первоначальный этап нового общества "низшей стадией коммунизма", в отличие от высшей, когда вместе с последними призраками нужды исчезает материальное неравенство". (Л. Троцкий, "Преданная революция", М., 1991, стр.42).

Для нас уже не имеет значения, что затем, в отличие от Сталина, Троцкий отказывается считать Россию социалистической: самое худшее уже сделано, нерыночный характер социализма отрицается, и это отрицание троцкистское течение разделяет вместе со сталинистским. Вопреки тому, что говорят Сталин и Троцкий, Маркс

никогда не допускал, что наемный труд может сосуществовать с социализмом. Социализм начинается тогда, когда наемный труд упразднен. Историческая последовательность такова: 1) Капитализм. 2) Переходный период или революционная диктатура пролетариата. Разрушение рыночных механизмов. 3) Социализм. Производство не является более рыночным, потребление регламентировано. 4) Коммунизм: потребление более не регламентировано.

Утверждая, что в России прибегают к “обычным нормам заработной платы”, Троцкий верен своей теории, согласно которой рабочее государство ограничивалось лишь “использованием” методов капиталистического счетоводства. В действительности же, как нельзя “использовать” методы капиталистического счетоводства без того, чтобы при этом не было самого капитализма, так нельзя и “использовать” обычные нормы заработной платы без того, чтобы не было наемного труда. Единственный аргумент (по правде сказать, довольно жалкий), который остается у Троцкого, это утверждение, что в СССР наемный труд “используется” для построения социализма! По правде говоря, в этом заключается вся суть рассуждений Троцкого: Россия - рабочее государство, следовательно, она не является более капиталистической. Однако, развитие производительных сил недостаточно для того, чтобы “придать государственной собственности социалистический характер”. Следовательно, мы имеем дело с режимом не предвиденным Марксом и промежуточным между капитализмом и коммунизмом.

Исходя из этого Троцкий сконструировал всю свою смехотворную диалектику, согласно которой средства производства не являются более товарами, потому что государство “планирует” их использование, тогда как средства потребления являются товарами только лишь в силу ... их нехватки. Марксистскую теорию, согласно которой товары - это продукты ассоциированного труда, которые обмениваются на деньги, Троцкий подменил оригинальной теорией, которая делает “нехватку” причиной существования товаров.

Характер средств производства в России 1938 г. был таким же, как и во всех других капиталистических странах: то же применение машин и то же разделение труда, но национализация, монополия внешней торговли и планирование имели характер “завоеваний Октября”. Между “недостаточным” развитием производительных сил

и “новыми” отношениями собственности, которые были результатом экспроприации капиталистов, Троцкий не колебался: он рассматривал “новые отношения собственности” в качестве основы, которая просто была искажена и деформирована недостаточным развитием производительных сил. Мысль о том, что национализация или планирование совершенно не уничтожает капитал, который является не “собственностью капиталистов”, а общественной силой, совершенно не приходила ему в голову.

Здесь находится настоящий секрет теории деформированного рабочего государства; тот, кто был великим деятелем Октября, советским Карно, вновь стал “вульгарным марксистом”, когда провозгласил, что капитализм в России больше не существует, так как капиталисты были экспропрированы, и что он мог возникнуть вновь только если бы бюрократам удалось вновь ввести частную собственность на средства производства.

Вернемся на мгновение к фундаментальным теоретическим проблемам. У Маркса, Энгельса и Ленина нельзя найти ни единого утверждения о том, что обычные нормы заработной платы могут быть использованы на низшей ступени коммунизма. Напротив, классики недвусмысленно подчеркивали исчезновение денег и использование трудовых бонов в течение первой фазы коммунистического общества.

Маркс пишет: “Производители могут, пожалуй, получать бумажные удостоверения, по которым они извлекают из общественных запасов предметов потребления то количество продуктов, которое соответствует времени их труда. Эти удостоверения не деньги. Они не совершают обращения” (К. Маркс, Ф. Энгельс, Соч., т.24, стр.402). И Ленин, комментируя слова Маркса, выражается совершенно ясно: “Средства производства уже вышли из частной собственности отдельных лиц. Средства производства принадлежат всему обществу. Каждый член общества, выполняя известную долю общественно-необходимой работы, получает удостоверение от общества, что он такое-то количество работы отработал. По этому удостоверению он получает из общественных складов предметов потребления соответственное количество продуктов”. (ПСС, т.33, стр.92). Никаких товаров здесь уже нет, как нет ни малейшего позвякивания монет в кармане производителя. Никогда классики не допускали возможности сосуществования социализма и наемного труда. “Догматики” и

“упрощенцы”, они всегда ставили это четкое уравнение: наемный труд равен капиталу; социализм равен разрушению наемного труда и капитала или, согласно более известной формуле (недавно выброшенной на свалку лакеями французской буржуазии и русского империализма), *социализм равен упразднению наемного труда.*

Для марксистов там, где имеется обобщенный наемный труд, там, где трудящиеся получают вознаграждение в деньгах, там есть капитализм. Для Сталина Россия 1936 года, где трудящиеся получают вознаграждение деньгами, является “социалистической страной”. Троцкий, менее дерзкий, и тем самым возможно более опасный ревизионист, дал в 1936 г. такое определение российского режима: “Правильнее, поэтому, нынешний советский режим, во всей его противоречивости, назвать не социалистическим, а подготовительным или переходным от капитализма к социализму”. (“Преданная революция”, М., 1991, стр.43). Короче говоря, обобщенный наемный труд перестал быть для него категорией, обязательно связанной с капитализмом. Более того, “использование привычных норм заработной платы” служит ... строительству социализма. Забывая, что такое коммунизм, Троцкий объявляет “находящейся в переходе к социализму” страну, все характеристики которой, к тому же постоянно усиливаясь, были характеристиками классического капитализма.

Тайна термидора

В ходе своей борьбы против “центристской” фракции, представленной зловещим генеральным секретарем, Троцкий сравнил сталинский феномен с периодом реакции, который последовал за Великой французской революцией: не ставя под угрозу экономические завоевания революции, реакция уничтожила ее политические завоевания. Но Троцкий позже сам должен был признать, что эта аналогия лишь “вносит путаницу”. Действительно, буржуазно-демократические революции могли знать периоды отступлений: старый политический аппарат, смытый революционной волной, частично возвращался к власти, вновь сажал на трон короля и мстил революционным демократам, отменяя завоеванные свободы. Но никакие королевские атрибуты не могли воссоздать золотой век феодальных повинностей и права первой брачной ночи: материальные условия для этих мечтаний

исчезли, новый монарх не мог более, потрясая, вместе с короной, своей величественной тыквой, играть какую-либо иную роль, кроме той, которую предоставило ему историческое развитие: роль заурядного прислужника интересов буржуазии. Никакая сила в мире не могла более противостоять развитию рыночной экономики непоколебимо следуя своей собственной логике, являющейся стихийным результатом обмена между частными производителями.

Однако, при социализме (и это то, что было замечено Троцким в статье “Рабочее государство, термидор и бонапартизм”) не может существовать ничего подобного, потому что никакой экономический закон не гарантирует социализму автоматического развития. Социализм может быть лишь результатом сознательной деятельности диктатуры пролетариата, сосредотачивающей все экономические объекты в своей железной руке, ломая разделяющие их барьеры и трансформируя их в единое орудие производства, в единый экономический организм, работающий на удовлетворение общественных потребностей. Если пролетариат не осуществляет постоянно, посредством своей классовой партии, своей диктатуры над всем обществом, он не может осуществить разрушение капитализма и коммунистическое преобразование в этом обществе. Пролетариат теряет все, если он теряет политическую власть. И всякая экономика, над которой пролетариат не осуществляет свою диктатуру, есть экономика, которая осуществляет диктатуру над пролетариатом. Как писал Ленин, “без диктатуры пролетариата нет социалистических преобразований, это азбука”.

По неизвестной причине, глубину которой его современные последователи так и не осознали, Троцкий одновременно должен был утверждать, что “бюрократия экспроприировала рабочий класс политически” (“Преданная революция”, М., 1991, стр.206), и что она оставалась, в то же время, “орудием диктатуры пролетариата” (там же, стр.207). Очевидно, тезис, согласно которому диктатура пролетариата в России перестала существовать, привел бы Троцкого к отрицанию всякой перспективы социалистических преобразований: ему приходилось одновременно отрицать, что рабочий класс сохраняет свою власть и отрицать, что он ее потерял: он разрешил эту проблему утверждением, что у пролетариата была экспроприирована (впрочем, категории собственности плохо подходят в данном случае)

политическая власть, но что диктатура бюрократии, поскольку последняя не восстановила частной собственности на средства производства и, по-своему, защищала планирование, являлась, в конечном счете, выражением диктатуры пролетариата.

Чтобы не оказаться вынужденным утверждать, что преодоление капитализма и переход к социализму осуществляется без диктатуры пролетариата, Троцкий создал новую теорию государства. Для классической доктрины, государство, в странах, где феодализм был уничтожен, и где буржуазно-демократическая революция давно завершена, является либо буржуазным, либо пролетарским. Либо одно, либо другое. Если и есть какой-либо раздел марксизма, не допускающий ни малейшей двусмысленности, где вопрос ставится ребром, то это именно теория государства. Троцкий, внесший известные модификации в вопросы, касающиеся марксистской критики политической экономии, изобрел также новую концепцию государства: он открыл диктатуру, которая не была ни диктатурой буржуазии, ни диктатурой пролетариата. Или, вернее, он открыл, что диктатура пролетариата могла осуществляться посредством "социального слоя", осуществляющего свою собственную диктатуру над рабочим классом. Следовательно, получается, что русское государство имело два лица: с одной стороны, оно было пролетарским, поскольку защищало завоевания Октября, с другой оно было буржуазным в той степени в какой оно позволяло бюрократии защищать свои привилегии.

Достаточно знать, что такое социализм в марксистской теории, чтобы понимать, что государству вовсе не надо быть "рабочим государством" (нам не нравится этот термин, имеющий слишком социологический характер и который используется во всех известных нам сделках; мы предпочитаем говорить "диктатура пролетариата") для защиты методов экономической политики, которые полностью совместимы с развитием капитализма и которые даже в такой стране как Россия являются условием ее независимого развития. Но доктрина Троцкого, которая утверждает, что власть захватила бюрократия, оказывает этому презренному социальному слою слишком много чести и, одновременно, слишком его бесчестит и которая придает ей такое значение, какого она в глазах классической теории, конечно, не заслуживает.

Чтобы объяснить появление этого "чудовищного нароста", каким была бюрократия, вождь левой оппозиции вменил себе в обязанность отыскать целый ряд соображений материалистического характера: он говорил о крестьянском характере России, ее капиталистическом окружении, недостатке культуры, доводы, множественность и эмпирический характер которых доказывали, что всех их было недостаточно. И как незадачливый школьник, нагромождающий целую серию сложных операций чтобы прийти в итоге к ошибочному результату, потому что он не может воспользоваться простым и правильным методом, он создает новую теорию демократического характера, тогда как марксистское решение было весьма простым.

Комментируя работу Гегеля "Основы философии права", Маркс отмечает: "Бюрократия есть лишь "формализм" лежащего вне ее самой содержания" (ПСС, т.1, стр.270). Она есть "государственный формализм". Уже в самих этих по внешнему виду "философических" фразах находится решение проблемы, намного раньше появления известных классических работ по теории государства. Все сказано уже здесь. Маркс преодолел политическую иллюзию: бюрократия, конечно, явление реальное, но, в то же время, явление производное. Государство не является независимым, тайну эволюции этого организма, который Энгельс блестяще определил как "дубинку" следует искать в недрах общества, в сфере производства. В самом деле, материальные блага никогда не производились при помощи ручек и перьев. И не при помощи стилета и папируса. Исторически бюрократия появляется как прямое следствие производственной необходимости: необходимости управления. Но управление производством требует наличия специального корпуса функционеров только тогда, когда достигает такого порога общественной производительности труда, который позволяет и требует, чтобы особая социальная группа была освобождена от выполнения непосредственных производственных задач для того, чтобы наблюдать за ходом производительного труда в целом и регулировать его; это явление возникает одновременно с возникновением классового общества и образованием государства, как необходимого следствия последнего. Однако, существование бюрократии и государства, хотя и может показаться

независимым, остается тесно связанным с потребностями производства. Согласно политической иллюзии, которую раз и навсегда развеял исторический материализм, бюрократ, "злоупотребляя" своими обязанностями, остается в известной степени автономным и принимает решения по своему усмотрению (и демократическое сознание, со своим смехотворным идеализмом, охотно противопоставляет "склерозу" бюрократов добродетель всеобщих выборов). Древний египетский текст гласит: "Поистине, нет такой профессии, где бы тобой не командовали, если не считать должности чиновника: только он и командует".

В то же время, существование писцов в Древнем Египте зависело от разливов Нила также, как существование русских администраторов от капризов капитала. Каким бы ни было возмущение анархистов против "тиранов", власть политика не кажется нам такой уж большой: писец фараона завладевает зерном, а русский бюрократ - пачками рублей. Таким образом, управленцы признают свою зависимость по отношению к производству как в сфере потребления, так и в том, что касается самого способа их труда: писец фараона использует папирус, которым его снабжает его хозяин, для которого был срезан, а затем высушен тростник, растущий на берегу реки. Русский бюрократ использует телефон, продукт ассоциированного труда, функционирование которого требует определенного способа производства. Любая бюрократия есть бюрократия определенного способа производства. Следовательно, марксистов должны интересовать не степень злоупотреблений или привилегий, лживости или "покушений на демократию", а идентификация способа производства, который делает необходимым государство, лишь формализмом которого является бюрократия.

Что касается России, вопрос ставится и разрешается в следующей плоскости: имеется государство и далекая от исчезновения бюрократия, которая развивается и усиливается: следовательно, мы находимся в классовом обществе. Русская бюрократия со своими доходами не накапливает вазы, шелка или земли. Она покупает товары серийного производства или, пользуясь всемирно известным термином, выражающим превосходство англосаксонского капитала, "стандартизированные" товары. Она получает эти товары в обмен на прямоугольные кусочки бумаги, пачки которых в маленьких кожаных бу-

мажниках она бережно прижимает к своему сердцу. Эти бумажные прямоугольники - деньги, в переводе на русский - рубли: следовательно, речь идет о бюрократии капиталистического способа производства.

Бюрократия не содержит в себе ничего таинственного, что заслуживало бы "переоценки" в XX веке для того, чтобы объяснить русскую "гнусность" в свете марксистской теории. Она есть следствие и один из аспектов общественного разделения труда. Она зависит от государства, а под "государством" на деле понимают правительственную машину или государство, поскольку оно "в силу разделения труда образует свой собственный, обособленный от общества организм" (К. Маркс, Ф. Энгельс, ПСС, т.19, стр.29). Появившись с возникновением классового общества, бюрократия вместе с ним и исчезнет. Низшая стадия коммунизма, т.е. социализм, не будет знать бюрократии. Тот, кто не является сознательным контрреволюционером или тупым, неисправимым республиканцем, для которого история на всем своем протяжении колеблется между "демократией" и "диктатурой", не может говорить о "бюрократизированном социализме"; выражение само по себе абсурдное, потому что социализм - это устранение бюрократии. Правда, некий бывший троцкист, а сегодня известный социал-демократ, для объяснения загадочной русской истории предлагает термин ... "государственный социализм"! И это еще не самый безумный теоретический каприз!

Коммунизм, который победит только через сплочение рабочего класса вокруг своей коммунистической партии, в ходе противоборства с капиталом, будет, неизбежно, черпать свою силу в энергичной борьбе против иерархии в системе оплаты труда. Тотчас после взятия власти, партия вновь обнародует славную меру Коммуны и Октября: коммунистический максимум, ограничение жалования всех чиновников заработной платой квалифицированного рабочего. Но вскоре исчезнут и сами понятия чиновника и квалифицированного рабочего. И заработной платы. Крайняя простота производственного плана позволит даже домохозяйкам (как об этом вопреки утверждениям дураков говорит Ленин в тексте, не содержащем ни грамма утопии) овладеть управлением государства. Затем исчезнут и домохозяйки, и государство, и разделение труда. Сначала, в силу ротации людей при выполнении различных обязанностей, затем в силу

исчезновения общественной необходимости в этих обязанностях, бюрократия будет постепенно исчезать.

Утверждая, что "бюрократическое перерождение рабочего государства" не исключало движения к социализму, которое было счастливым следствием "завоеваний Октября" и которое продолжалось бы до тех пор, пока так называемые "завоевания" не были бы разрушены, Троцкий ревизовал марксистскую доктрину; единственным решением было бы для него ясно сказать, что российский режим, по его выражению "подготовительный к социализму", был капиталистическим. Потому что историческая роль капитализма и состоит в создании основ нового общества. Однако этого Троцкий сказать не мог, убежденный, что, поскольку частная собственность на средства производства в крупной промышленности более не допускалась, Россия преодолела капиталистическую стадию своего развития.

В работе "Еще и еще раз о природе СССР", где Троцкий полемизирует с теми, кто глупее его, находим эту удивительную фразу, достойную самой что ни на есть субъективистской социологии: "Движущей силой московской бюрократии является, несомненно, стремление увеличить свою власть, свой престиж, свои доходы"[1]. Не побоимся повторить себе наши выводы, которые всегда остаются теми же самыми, если только не считать жажду власти или стремление к богатству последней причиной существования определенных социальных групп, т.е. если не впадать в самый тривиальный буржуазный идеализм, мы можем рассуждать лишь следующим образом: общество, в котором обогащаются ("богатство" существует только при наличии "бедности") есть общество классовое. Если богатство заключается не в количестве голов скота, рабов или наличии поместий, а в клочках бумаги и в записях в больших книгах учреждений называемых "банками", мы присутствуем при капиталистическом способе производства".

Классы и способы производства

Мы подходим сейчас к ключевому моменту, пункту, в котором против нас поворачиваются все иллюзии, в котором все идеалисты, утриеристы, индетерминисты и защитники личности сбросят свои

маски, выкрикнув в один голос аргумент, который они носят в сердце с самого начала, который контрреволюция внедрила в миллионы голов, и который они с торжествующими нотками в голосе бросят нам в лицо: "Но в России, дорогой мой, нет больше капиталистов!". Вся троцкистская конструкция зиждется на этой неоспоримой и в то же время ложной очевидности. В России, после Октябрьской революции 1917 года, нет более "буржуазии". Этот жалкий, набивший оскомину, аргумент повторяется на все лады торжествующим оппортунизмом уже сорок лет и, кажется, не исчерпал еще своего воздействия. Это аргумент публичных собраний и книг академиков, преобразование и апофеоз русского империализма. "У нас в Советском Союзе, где нет больше капиталистов...", "у нас, где ликвидирована эксплуатация человека человеком", - таков беспрестанный лейт-мотив контрреволюции. Тот факт, что в России нет больше частных собственников крупных средств производства в промышленности, служит неисчерпаемой базой для бесконечных всякого рода анти-марксистских спекуляций, которые все опираются на обычные идеалистические суеверия и которые противостоят непоколебимой материалистической доктрине.

В "Капитале" Маркс расправился со всей вульгарной критикой капитализма, направляемой теми, кто не является его непримиримыми врагами и даже зачастую оправдывает его существование под видом его критики. К числу примеров подобной вульгарной критики следует отнести ту, которая упрекает капиталиста в чрезмерном потреблении и ту, которая обвиняет его в навязывании своей воли трудящимся "антидемократическими методами".

Прежде всего, как человек из плоти и крови, капиталист живет за счет своего капитала. "Поэтому, поскольку вся деятельность капиталиста есть лишь функция капитала, одаренного в его лице волей и сознанием, постольку его собственное личное потребление представляется ему грабительским посягательством на накопление его капитала; так в итальянской бухгалтерии личные расходы записываются на стороне дебета капиталиста по отношению к его капиталу". (К. Маркс, Ф. Энгельс, ПСС, т.23, стр.606). Капиталист - это не человек с огромным животом и сигарой в зубах, и тот, кто попытался бы доказать существование капитализма в России ссылаясь на чрезмерные расходы директоров доказал бы только свое полное

незнание марксизма. Классовая доктрина сухо замечает: чем больше капиталист потребляет, тем меньше он капиталист. Чем больше он капиталист, тем меньше он потребляет. Тех китайских теоретиков, которые пытаются доказать свою марксистскую чистоту противопоставляя умеренность директоров предприятий своей страны расточительству новых советских царей, можно, следовательно, лишь упрекнуть в наивности.

Для марксизма очевидно: капиталист есть лишь агент социального механизма. Капиталист не только является настоящим капиталистом лишь тогда, когда он осуществляет накопление, но еще и только тогда, когда он доводит свое дело до конца, подавляя свои личные прихоти и стремясь познать и наилучшим образом соблюсти законы, вытекающие из конкуренции различных капиталов. "Лишь постольку, поскольку капиталист есть персонифицированный капитал, он имеет историческое значение и ...историческое право на существование" (К.Маркс, Ф.Энгельс, ПСС, т.23; стр.605). Свобода капиталиста есть лишь осознание им необходимости накопления капитала. "Кроме того, развитие капиталистического производства делает постоянное возрастание вложенного в промышленное предприятие капитала необходимостью, а конкуренция навязывает каждому индивидуальному капиталисту имманентные законы капиталистического способа производства как внешние принудительные законы. Она заставляет его постоянно расширять свой капитал для того, чтобы его сохранить, а расширять свой капитал он может лишь посредством прогрессирующего накопления" (там же, стр. 606). Капиталист, следовательно, не является жуиром и угнетателем, как это представляют себе мелкие буржуа, или даже если он и таков, то лишь в силу действия определенного социального механизма. Сущность капиталиста ни в коей степени не определяется обладанием прав собственности. Следуя материалистическим посылкам своей доктрины, Маркс показывает, что не сознание капиталистов создает общественные законы, а наоборот, законы рыночной экономики создают и капиталистов и их сознание.

Новообращенные любители "левых" тирад против "жирных котов" и "финансовых феодалов" всегда бывают очень удивлены, когда им случается перелистывать "Капитал". Они ожидали на первых же страницах встретить главных действующих лиц: с одной стороны -

рабочего в деревянных башмаках, униженно мнущего в руках свой берет, с другой - пузатого капиталиста, полного высокомерия и с сигарой во рту. Они, может быть, ожидали увидеть два класса выстроившихся в боевом порядке и занявших исходные позиции. Ничего подобного. "Капитал" - книга весьма абстрактная, первый отдел которой называется "Товар и деньги" и которую можно прочитать до конца не обнаружив в ней определения классов как групп индивидуумов.

Маркс начинает не с выделения различных групп индивидуумов и рассмотрения затем их борьбы за распределение общественного продукта. Как материалист он знает, что индивидуумы не определяют материальные условия своего существования, а, напротив, узко детерминированы последними. Следовательно, прежде всего он изучает материальные условия существования индивидов; он определяет производственные отношения. В соответствии с уровнем своего развития, различные общества функционируют вполне определенным способом, независимо от сознания, которым обладают (или не обладают) отдельные индивидуумы. И это функционирование налагается как необходимость не только на эксплуатируемых, но и на эксплуататоров, не только на отдельных индивидуумов, но и на последовательный ряд поколений существующих классов. Именно это Маркс называет способом производства.

Исторический материализм не уделяет много времени таким понятиям, как "воля" капиталистов или "антидемократический" дух бюрократии. Он показывает, как зарождаются и в исторической последовательности сменяют друг друга различные способы производства, управляемые определенными законами, которые он тщательно изучает. Он не довольствуется тем, что говорит о том, что капитализм есть эксплуатация человека человеком, хотя это и превосходная агитационная формула, ибо это общая характеристика различных способов производства, которые следуют друг за другом со времени разложения первобытного коммунизма и, следовательно, не позволяет их отличить друг от друга. Маркс четко показал, как эта эксплуатация осуществляется при капиталистическом способе производства, установил и разобрал по частям ее основные механизмы: капитал, наемный труд, прибавочная стоимость, процентная ставка, земельная рента. Он не говорит только, что коммунизм - это ликвидация частной

собственности на средства производства (формула, бесстыдно эксплуатируемая контрреволюцией), он уточняет также, что коммунизм - это ЛИКВИДАЦИЯ НАЕМНОГО ТРУДА.

Отношения собственности эволюционируют вместе с производственными отношениями. Мы различаем четыре типа собственности совместимые с капитализмом: индивидуальная собственность, кооперативная, акционерная, государственная. Так как капитал концентрируется непрерывно на протяжении всей истории капитализма, вполне логично, что современные крупные средства производства подталкивают к возникновению ассоциаций капиталистов и, в конечном счете, требуют вмешательства государства. Это не составляло никакой тайны для Энгельса, который часто уточнял, что огосударствление средств производства само по себе не содержит ничего социалистического: "Противодействие мощно возрастающих производительных сил их капиталистическому характеру ... вынуждает класс самих капиталистов все чаще и чаще обращаться с ними ... как с общественными производительными силами. Как периоды промышленной горячки ..., так и самые крахи, разрушающие крупные капиталистические предприятия, приводят к такой форме обобществления больших масс средств производства, какую мы встречаем в различного рода акционерных обществах ... на известной ступени развития становится недостаточной и эта форма: государство как официальный представитель капиталистического общества вынуждено взять на себя руководство указанными средствами производства и сообщения". Энгельс продолжает по адресу будущих усовершенствователей марксизма: "Если кризисы выявили неспособность буржуазии к дальнейшему управлению современными производительными силами, то переход крупных производственных предприятий и средств сообщения в руки акционерных обществ и в государственную собственность доказывает ненужность буржуазии для этой цели. Все общественные функции капиталиста выполняются теперь наемными служащими" (К. Маркс, Ф. Энгельс, ПСС, т.23, стр.288-289).

В "Капитале" Маркс рассказывает историю о разорившихся капиталистах, которые возвращаются на свои бывшие хлопчатобумажные фабрики в качестве управляющих и получают директорское жалованье. Из этого факта он даже извлекает аргумент для того, чтобы показать, что прибавочная стоимость или, точнее,

прибыль, реализованная индивидуальным капиталом, вовсе не является вознаграждением, получаемым за какие-то "исключительные способности" капиталиста, которые на определенных условиях обмениваются на директорскую зарплату, размеры которой довольно скромны. Капитал не является капиталистом; в XIX веке это доказывается самым развитием промышленности, которое выявило различие между собственностью и функциями управления, о чем ранее было сказано в "Коммунистическом Манифесте" 1847 г., и чего троцкисты так никогда и не поняли.

Теперь, после благотворного обращения к классикам, вернемся к вышеупомянутому вульгарному аргументу: "в России не существует больше капиталистов, поскольку там уничтожена частная собственность на средства производства". Будем надеяться, что наш оппонент позволит не согласиться с ним в этом пункте и напомнить, что колхозники, которые представляют немалую часть населения страны, владеют приусадебными участками, часть продуктов которых они потребляют, что представляет собой докапиталистическую форму производства. В той мере, в какой колхозники выносят продукты своего труда на рынок, они являются также мелкими индивидуальными товаропроизводителями, таковыми они являются также и потому, что работают в сельскохозяйственном кооперативе, колхозе, хотя они и используют при этом ассоциированный труд. Кроме того, частная собственность на средства производства существует в кустарном производстве и в мелкой торговле. Наконец, необходимо напомнить о существовании временных подрядных организаций, в частности в строительстве. Теперь, правда, мы должны признать, что частной собственности на средства производства не существует в крупной промышленности. Это факт. Но делать из этого вывод, что не существует более ни классов, ни капитализма - это контрреволюционная теория.

Не упразднение капитала заменяет капиталистов наемными директорами, а его *развитие*. Даже если бы русская промышленность была бы гораздо более развитой, чем она является сегодня, даже если бы перестал существовать кооперативный сектор экономики и не было бы никакой частной собственности на средства производства, капитализм, тем не менее, не исчез бы. Даже если бы все директора предприятий стали бы наемными работниками, капитал все равно не

прекратил бы своего существования. Общество, состоящее исключительно из лиц наемного труда, есть чисто капиталистическое общество. Такое общество, без всякого сомнения, есть фикция, но фикция научная и настолько неоригинальная, что она появилась уже в 1844 году в рукописях будущего автора "Капитала". "Даже равенство заработной платы, как его требует Прудон, имело бы лишь тот результат, что оно превратило бы отношение нынешнего рабочего к его труду в отношение всех людей к труду" (К. Маркс, Ф. Энгельс, ПСС, т.42, стр.98). Следовательно, ни превращение хозяев предприятий в наемных директоров (констатируемое в России), ни даже установление равной заработной платы (или его троцкистский эквивалент, "ликвидация привилегий советской бюрократии") *не означает (или не означало бы) исчезновение капитала.*

Ко всем тем, кто убежден в обратном, даже в ином контексте, чем концепция Прудона, применима критика Маркса: "В этом случае общество мыслилось бы как абстрактный капиталист" (там же). В реальном коммунистическом обществе, т.е. в обществе преодолевшем *общественное разделение труда*, характерное для общества буржуазного (какова бы ни была структура каждого *отдельного* класса в определенный момент своего развития), материальные условия, из которых возникают обмен, стоимость, наемный труд и т.д. исчезают и *сами по себе* становятся *невозможными*. Предположить, что общество, в котором, как в России, данные категории продолжают существовать, *может* преодолеть буржуазное разделение труда (или, что то же самое и чего господа троцкисты, однако, не знают, что исчезновение класса "частных собственников на средства производства" имеет значение *решающего* изменения общественного разделения труда) - это то же самое, что спутать "*абстрактный капитализм*" с социализмом. "*Капитализм*", поскольку таковым, неизбежно, является общество, в котором продолжают существовать *буржуазные производственные отношения* (стоимость, заработная плата, прибыль - это *производственные* отношения, а не "инструмент", который можно было бы использовать на похвальные, "социалистические", цели, но и это господам троцкистам не ведомо!). Но капитализм "*абстрактный*", поскольку *материальные условия* для этих отношений при этом отсутствуют.

Не "новая" истина, которую марксизм окончательно установил в XIX веке заключается в том, что в условиях *реального* капитализма "необходимость предварительно превратить продукт или деятельность индивидов в *форму меновой стоимости*, в деньги" [2] вытекает из факта, "что их производство не является *непосредственно* общественным, не представляет собой продукт ассоциации, распределяющей труд среди своих членов" (К. Маркс, Ф. Энгельс, ПСС, т.46, ч.1, стр.101), или, другими словами, вытекает из *разделения общества на классы*, что всегда было лишь другим вариантом выражения *буржуазного разделения труда* (которое включает в себя противоречие между умственным и физическим трудом, также как и между городом и деревней). Каждый, кто, *констатируя* существование в России обмена, денег, заработной платы и т.д., упрямо изучает *юридические* нормы, которые в ней действуют, а также *пирамиду доходов*, чтобы успокоить себя насчет возможной опасности "возврата к капитализму" вследствие того, что "бюрократии" удалось бы "создать социальную базу своего господства" (!) поступают точно таким же способом как те неграмотные, которые, наблюдая величественную смену дня и ночи, тем не менее спрашивают беспокойно людей, которые ходили в школу, насколько обоснована вера во вращение Земли. Троцкистской теории, которая видит в "восстановлении частной собственности на средства производства" единственную возможность "возврата к капитализму", мы противопоставляем тезис о том, что капитализм *никогда* не исчезал (и не мог исчезнуть) в этой стране, и что капитализм определяется производственными отношениями, а не нормами права.

Определение капитализма как "частной собственности на средства производства" - это диалектическое дополнение к определению социализма как обобществления наемного труда, которое как мы только что видели, Маркс отрицал. Основанием для этого является не только то, что наемный труд обобществляется именно по мере исчезновения частных собственников. Оно заключается в том, что это определение и эта концепция вытекают из той самой *нематериалистической и недиалектической* концепции истории и экономики, которая, что так хорошо было показано Марксом, с одной стороны "персонифицирует вещи", а с другой - "овеществляет отношения между людьми".

“Персонификация вещей”. В марксистской теории “частный капиталист” является лишь агентом, инструментом (*исторически* обреченным, как показывает вся современная эволюция) капитала: в перевернутом восприятии идеологии вообще и троцкистской идеологии в частности, наоборот, именно капитал низведен до роли просто инструмента, которым пользуется капиталист, чтобы утолить свои властные аппетиты и жажду наживы; двигателем капитализма при этом была бы психология, свойственная классу буржуазии (которая в действительности и в марксистской теории сама должна быть объяснена и может быть объяснена только в связи с развитием производительных сил и производственными отношениями, которые из него вытекают и которые были установлены *независимо* от “воли” людей вообще и от “воли” господствующего класса в частности); и если класс буржуазии, в качестве “класса частных владельцев средств производства”, исчезает, двигатель перестает работать! И, если, экономика, тем не менее, продолжает функционировать, то именно потому, что старый двигатель был заменен на совершенно новый!

“Овеществление отношений между людьми”. В действительности и согласно марксизму товар и деньги являются результатом определенных отношений между людьми в процессе производства, “которые устанавливаются посредством вещей” (“вещи”, такие как средства производства, включая людей, - те, которые имеются в наличии в данную эпоху). В перевернутом видении идеологии, *товар и деньги* сами по себе являются “вещами”; соответствующими естественным и неизменным потребностям; тогда *заработная плата и прибыль* являются не тем, что они есть на самом деле - производственными отношениями, которые в будущем должны исчезнуть, но вечными категориями *любого* способа производства.

Это факт, что *социальные* условия, которые сделали возможным развитие новой экономики капитализма, начиная с простого товарного производства, были исторически основаны на существовании класса, лишенного средств существования, с одной стороны и класса частных владельцев товаров и денег - с другой. Но столь же неоспоримым фактом является то, что развитие этой новой экономики сопровождается широкой *деприватизацией* собственности (акционерные общества, национализированные предприятия), которая является простым *юридическим* отражением концентрации

производства и того, что сам Маркс не колеблясь назвал “обобществлением”, в экономическом смысле, производительных сил. Было бы странным, если бы “реальное движение общества” (которое Маркс четко поставил себе целью описать в “Капитале” и которое видит не только разрушение нерыночной экономики, но и разорение мелких производителей, возникновение различных категорий промышленного пролетариата, рождение новых слоев класса наемных работников, связанных с новыми функциями государства в странах передового капитализма) не оказало бы воздействия в области права, чтобы “государственная собственность” не оказалась бы в конце концов юридической формой наилучшим образом отвечающей либо развитию производительных сил, слишком больших для частной инициативы, в развитых капиталистических странах, либо особым условиям страны, откуда, как из России, буржуазия сбежала вследствие революции и где марксистская партия не могла терпеть “социалистической предприимчивости” русских рабочих, но чувствовала себя обязанной, используя средства централизованного государства, встретить лицом к лицу чрезвычайные проблемы реконструкции разоренной экономики в масштабах огромной территории, задача, которая могла быть определена самим Лениным как “социалистическая” только в *политическом* смысле этого термина (и так как это была партия, считавшая себя пролетарской, которая смело видела перед собой перспективу - которую позже будут отрицать могильщики большевизма - борьбы за мировую революцию), но которая не ставилась и не могла быть поставлена в смысле *экономическом*, как об этом, при всех неизбежных и досадных терминологических колебаниях, ярко свидетельствует вся деятельность Ленина.

Чтобы разрешить вопрос о “природе СССР”, при размышлении над которым угасло несколько поколений троцкистов, так и не сумев дать ему удовлетворительного решения не только в глазах “высокой теории”, но даже просто с точки зрения политической реальности и элементарного пролетарского инстинкта, у нас нет никакой нужды в разрешении неразрешимых вопросов поднятых учеными-социологами, которые забывают не только о том, что социальная реальность намного шире их книг, но и о том, что она не соизволяет становиться неподвижной из-за того, что им очень хочется ее сфотографировать.

Нам достаточно (после констатации существования в так называемом “социалистическом лагере” *капиталистических производственных отношений*) констатировать, что там существует также и *классовая борьба*. Напомним этим господам, которые не понимают, что упразднение капитализма не может быть делом “народного” государства, говорящего языком мира и “честной” торговли, но лишь диктатуры пролетариата, пример, взятый из истории самого недавнего прошлого. В декабре 1970 г. в Польше мы увидели возмущение рабочих Балтийской судовой верфи, вставших лицом к лицу с государством и его полицией. Они только протестовали против снижения заработной платы, но им противостоял не только корпус “социалистических” директоров ..., которые желали “повысить производительность труда”, не только массы мелкого католического крестьянства, но и весь политический аппарат государства, его регулярная армия и полиция, а за всем этим (в случае, если бы дело зашло слишком далеко) армии мирового капитала. Перед лицом этих фактов социологический педантизм начинает придирается: “Нужно различать понятия. Бюрократия - это не класс!” Мы далеки от намерения доказывать, что бюрократия это класс. Мы попросту и в общих чертах говорим, что точно также, как присутствие капиталистических “категорий” доказывает существование капитала, классовая борьба доказывает, что общество имеет классовую структуру. И тем хуже для тех “борцов за рабочее дело”, которые не удовлетворяются подобным доказательством.

Доказательство от абсурда: возврат к капитализму

В “Преданной революции” Троцкий старается доказать, что нельзя квалифицировать общественный строй в России как государственный капитализм. Мы считаем, что довольствоваться формулой “государственный капитализм” для характеристики российского общества и экономики можно было бы только, если бы государство располагало не только продукцией крупной промышленности, но также (что все в меньшей степени соответствует действительности начиная с хрущевских времен) и продукцией сельского хозяйства, необходимой для содержания лиц наемного труда, потому что ему еще и

сегодня (и, без сомнения, еще в течение долгого времени) приходится покупать ее в кооперативах - и по ценам, которые постоянно растут.

Но не по этим соображениям (абсолютно марксистским) Троцкий отвергает концепцию “государственного капитализма”. Он ее отвергает потому, что в его глазах Россия *не является более капиталистической*. Способ, которым он достигает этого результата, показывает до какой степени опустошительной была контрреволюция. Автор “Анти-Каутского” опустился до уровня вульгарного марксиста. “Попытка представить советскую бюрократию как класс “государственных капиталистов” заведомо не выдерживает критики. У бюрократии нет ни акций, ни облигаций (Л. Троцкий, “Преданная революция”, М., 1990, стр.207). Конечно, бюрократия никогда не может быть классом. Она может быть только бюрократией государства, которое само является инструментом классового господства. Если есть бюрократия, значит имеются и классы и задачей марксизма остается изучение данного способа производства. Однако это совсем не то, что делает Троцкий. Как пытается он привести в замешательство своего оппонента, сторонника теории, что бюрократия является классом? Доказывая ему, что с точки зрения уровня развития производства абсолютно невозможно более говорить о капитализме в России? Нет. Троцкий совершает еще более грубую ошибку, чем тот, кто пытался доказать, что бюрократия это класс. Он старается показать, что в области *потребления* бюрократия не может быть приравнена к буржуазии. Вместо владения облигациями, бюрократия довольствуется получением повышенной заработной платы. Мы уже убедились, что общество целиком состоящее из лиц наемного труда было бы обществом чисто капиталистическим. Существование наемных директоров в национализированной промышленности, следовательно, далеко от того, чтобы служить доказательством исчезновения капитализма. Чтобы придать большую силу своим доказательствам, Троцкий добавляет: “Своих прав на эксплуатацию государственного аппарата отдельный чиновник не может передать по наследству” (там же). Заметим, что согласно марксистской теории, государство не может быть *объектом* эксплуатации, поскольку оно является лишь средством для поддержания эксплуатации, источник которой находится вне его и оно, само по себе, является лишь следствием этой эксплуатации. Таким образом, отсутствие права

наследования придало бы, по мнению Троцкого, новую силу ранее выдвинутому аргументу об отсутствии частной собственности на крупные средства производства. Наша позиция не такова. Право наследования не является чертой собственно капитализма, и капитализм вполне может без него обойтись. Можно даже сказать, что отсутствие права наследования может позволить капиталу наилучшим способом распределять живой материал, который он подчиняет себе, чтобы обеспечить свое функционирование. При капитализме дети эксплуатируемых могут стать руководителями предприятий. Деньги и способность обеспечить производство прибавочной стоимости - вот узлы, которые обеспечивают связность общества. Упразднение права наследования полностью совместимо с капитализмом, даже с капитализмом относительно отсталым, как это имеет место в России. Оно обеспечивает "равенство шансов" стать эксплуататором в обществе вполне сложившейся эксплуатации; оно, следовательно, ни в малейшей степени не упраздняет эксплуатацию. Судите сами о ничтожности теории, на базе которой Троцкий пытается создать Четвертый Интернационал: бюрократия не является классом, поскольку не обладает частной собственностью на средства производства, но если бы ей удалось вновь ввести эту собственность, она бы трансформировалась в класс: "Недостаточно быть директором треста, нужно быть пайщиком. Победа бюрократии в этой решающей области означала бы превращение ее в новый имущий класс" (там же, стр.210). Или вот еще: "Бюрократия еще не создала для своего господства социальной опоры, в виде особых форм собственности" (там же, стр.207). В области исторического идеализма редко кто говорил лучше. Таким образом, далекие от того, чтобы быть продуктом определенных социальных условий и осознать свои интересы только после своего появления на базе определенных производственных отношений, классы в начальный период существуют в форме каст и лишь затем создают "социальную базу" своего господства. Это антибюрократическая фантазмагория, но ни в коем случае не материализм. Класс становится таковым только после того, как он создаст "социальную базу" своего господства! Более того, в случае с "бюрократией" этой социальной базой были бы ... "особые формы собственности"!!! Мы не только впадаем при этом в полный идеализм, но и целиком остаемся в плену вульгарного марксизма. Эволюция российского общества

рассматривается здесь не под углом "производственных отношений", а под углом несколько более узким, можно даже сказать демократическим, "злоупотребления властью" и привилегий в области потребления! Для Троцкого времен "Преданной революции" (*quantum mutatus ab illo!*), бюрократия может превратиться в буржуазию, если ей удастся ... восстановить частную собственность на средства производства!!! Весь исторический материализм, таким образом, становится с ног на голову!

Изучение политической программы троцкистов в СССР покажет нам до какой степени Троцкий времен "Терроризма и коммунизма" прав по отношению к Троцкому периода изгнания, когда он лаконично замечает: "Действительность не прощает ни одной теоретической ошибки". Позицию лидера большевиков-ленинцев, а позже основателя Четвертого Интернационала, можно резюмировать следующим образом. В России, несмотря на обобществление средств производства, остаются в силе буржуазные нормы распределения, которые бюрократия отстаивает и которыми она злоупотребляет, чтобы извлечь из них привилегии. В этих условиях планирование осуществляется не демократическими, а бюрократическими методами, что вызывает серьезные деформации и разбазаривание средств. Вывод: экономическое развитие - это хорошо, паразитическое потребление бюрократии, которое тормозит процесс накопления - это плохо.

Эта теория ставит Троцкого и троцкистов не в ряды врагов мирового капитала и не в ряды сторонников разрушения капиталистических форм производства (которые признают революционный характер капитализма по отношению к предыдущим способам производства), но в ряды демократических защитников накопления капитала в России. Что отличает марксистов от идеологов буржуазии, так это именно то, что они никогда не поют дифирамбов "*прогрессу*" (и, в частности, прогрессу экономическому) вообще, но они всегда с особой тщательностью различают *формы* "экономического прогресса", поскольку в историческом плане рост общественной производительности труда приводит к изменению старых форм производства, их революционному разрушению и появлению новых форм. Весь исторический материализм заключается именно в умении отличать различные формы "экономического прогресса" или развития производитель-

ных сил, а прогресс вообще, коротко говоря, просто является чистой буржуазной абстракцией. Однако Троцкий, вкупе со Сталиным и со всей прогрессистской шайкой друзей СССР принялся воспевать чудесное экономическое развитие, ставшее возможным, по его мнению, в результате завоеваний Октября. Контрреволюция была столь ужасной, что Троцкий смог прослыть экстремистом когда пел дифирамбы варварскому и кровавому первоначальному накоплению на костях пролетариата, а занятая им личная позиция явилась поддержкой "слева" сталинским (буржуазным) тезисам, согласно которым социализм позволяет достичь темпов экономического развития недоступных капитализму. Марксисты (которые не участвовали в создании Четвертого Интернационала) также признали огромный прогресс, которого достигла Россия под энергичным руководством Сталина, но никогда не позволяли ослепить себя бессмысленной ненавистью к тирану. Они сделали это оставаясь марксистами, поскольку они открыто приветствовали этот прогресс как буржуазный и поняли, что он утверждает на огромной территории капиталистические производственные отношения. Троцкий же, напротив, позорнейшим образом спутал "переход к социализму" с первоначальным капиталистическим накоплением, два исторических явления не имеющих друг с другом ничего общего, поскольку одно из них представляет рождение, второе - исчезновение капиталистического способа производства. "Если считать, что задачей социализма является создание бесклассового общества, - пишет он в "Преданной революции", - основанного на солидарности и гармоническом удовлетворении всех потребностей, то в этом основном смысле в СССР социализма еще нет и в помине". (Л. Троцкий, "Преданная революция", М., 1990, стр.6). Вот это замечательно. Но продолжение приводит в отчаяние. "Правда, противоречия советского общества глубоко отличаются по природе своей от противоречий капитализма" (там же). Троцкий в период своего изгнания был настоящим сталинским демократом, сторонником экономического развития России, которая освободилась бы от своих бюрократических пороков. То, что это развитие осуществлялось бы в буржуазных формах, оставляло его совершенно безразличным по той простой причине, что он не понимал смысла происходящего. Отсюда его восторги по поводу триумфа индустриализации, которые не представляли бы опасности,

если бы он провозгласил капиталистический характер развития России (марксисты всегда рассматривали как прогрессивное развитие капитализма в отсталых странах), но которые содержали катастрофическую теоретическую и политическую путаницу с того момента, когда он стал приветствовать его как "социалистический". Нет недостатка в победных возгласах, вырывавшихся у вождя Четвертого Интернационала по поводу "чуда" плановой экономики, такой, например, какой можно прочесть в начале "Преданной революции": "С господами буржуазными экономистами спорить больше не о чем: социализм доказал свое право на победу не на страницах "капитала", а на хозяйственной арене, составляющей шестую часть земной поверхности; не языком диалектики, а языком железа, цемента и электричества" (там же, стр 9). В его работе "Марксизм и наше время" можно еще прочитать следующее: "то, что обобществление средств производства дает огромную экономическую выгоду, доказано не только в теории, но и опытом СССР, несмотря на ограниченные рамки этого опыта". "Социализм" и "капитализм" измеряются здесь на один аршин, описываются одним и тем же языком: языком железа, стали и электричества. Социализм более не предстает одновременно и как антипод и как преемник капитализма, но лишь как удачливый конкурент, который бежит быстрее последнего и в том же направлении. И чтобы "оправдать" в какой-то степени "бюрократические пороки" России, Троцкий не находит ничего более убедительного, чем этот жалкий аргумент, совершенно недостойный автора "Уроков Парижской коммуны": "В самом деле, Маркс никогда не говорил, что социализм мог бы быть полным применительно к отдельно взятой, тем более отсталой стране." И здесь у нас просто не хватит мужества ожесточиться против орла упавшего на птичий двор.

Что нужно российским рабочим? Демократия в системе Советов? "Демократическое" планирование? Современные троцкисты не колеблясь отвечают "да". Они ратуют за "политическую" революцию, которая, отстранив бюрократию от власти, позволит установить планирование, в разработке которого будет участвовать все трудящееся население и которое позволит рабочим самим управлять своими собственными делами. Эта революция не будет иметь необходимости быть социальной, потому что производство уже (см. выше цитату

Троцкого) “обобществлено”. Пролетариату будет достаточно установить свою собственную политическую власть и устранить тот “недостаток”, что “средства потребления еще являются товаром”. Мы придерживаемся совершенно иной теории. Борьба против бюрократических извращений системы, существующей в России, вполне приемлема для нынешних руководителей, которые, как, например, Герек в Польше, всегда готовы признать, что бюрократизм - это порок и охотно обещают рабочим, когда последние требуют увеличения зарплат, добавки в виде этого малоценного продукта, который зовется “демократией”.

Узловой точкой при анализе российского общества является вопрос о природе государственной промышленности. Все те, кто признавал ее социалистической (какой бы ни была последующая критика), покинули почву коммунистической революции ради стремления к усовершенствованию русского капитализма.

Если бы мы спросили у современных троцкистов, кто является автором следующей цитаты: “И тем не менее, в целом, нельзя сказать, что наш строй есть строй социалистический, ни того, что он является капиталистическим. Он представляет собой переход от капитализма к социализму...”, они, конечно, ответили бы: Троцкий. Точно также они не колеблясь приписали бы теоретику “Преданной революции” следующий пассаж: “Можно было бы сказать, что это еще не социализм, если учесть все те пережитки бюрократизма, которые сохранились в руководящих органах наших предприятий. Это замечание верно, но оно не находится в противоречии с тем фактом, что государственная промышленность представляет собой социалистический тип производства”. Однако, они ошиблись бы: автором этих строк является никто иной как Сталин, включивший их в свой “Доклад о политической деятельности ЦК” на XIV съезде ВКП(б). Его последующие политические победы, конечно, позволяют генеральному секретарю объявить Россию полностью социалистической и представить бюрократию как выдумку “троцкистских саботажников”. Тем не менее, выдавая “социалистический” аттестат государственному сектору экономики под тем предлогом, что частная собственность на средства производства не была восстановлена, троцкистская оппозиция впоследствии могла служить лишь в качестве бокового охранения для процесса накопления капитала в России, также как она, под видом

защиты завоеваний Октября, должна была выполнять роль пропагандистского агента русского империализма в ходе второй мировой войны. “Действительность не прощает ни одной теоретической ошибки”. Сегодня мнимая рабочая партия, которая поставила бы себе целью пролетарскую демократию и демократическое планирование в России, была бы в ней партией консервации общественных отношений. В России, как и в Польше, рабочие должны бороться за увеличение заработной платы и уменьшение продолжительности рабочего времени; они должны стремиться к разрушению государственных профсоюзов и к растущему союзу трудящихся в экономической борьбе, т.е. к “саботажу” национальной экономики и разрушению планирования; они должны бороться за революционное разрушение существующего государства, чтобы установить их собственную власть с помощью Всемирной Коммунистической Партии, деспотическими методами вмешаться и разрушить капиталистические производственные отношения, всячески пытаясь расширить масштабы международной революции. Первые мероприятия, которые осуществит коммунистическая власть в России, ничем не отличаются от тех, которые ей придется сделать в других развитых странах: изъятие капиталовложений, увеличение оплаты труда, установление обязательного труда для всех трудоспособных элементов и резкое сокращение рабочего времени, в той мере в какой позволит международная обстановка. Затем пролетарская власть установит план производства в физических единицах, начнет непрерывное разрушение капиталистических производственных отношений и отменит деньги. Эта революция не будет, как того хотел Троцкий, революцией “политической”, ограничивающейся тем, что вновь передаст в руки пролетариата руководство уже “социалистической” промышленности, хотя бы в тех отраслях, в которых государство производит средства производства, потому что такова троцкистская теория. Задачей этой революции будет упразднение рыночных отношений между предприятиями и трансформация их в единый производственный механизм управляемый пролетариатом, становящийся, по меткому выражению Ленина, “одной конторой и одной фабрикой”. Эта революция будет революцией социальной.

Оперируя ложной диалектикой, согласно которой пролетариат может потерять власть только в результате насильственной контр-

революции (как будто расправа над большевиками-интернационалистами, его боевым ядром, в конце 20-х годов не была “насильственной”), отождествляя ликвидацию капитализма с исчезновением частной собственности на средства производства, социалистическое планирование с простым капиталистическим огосударствлением, а преимущества социализма с быстрым развитием экономики, Троцкий полностью разрушил марксистскую доктрину. Утверждая, что “противоречия советского общества глубоко отличаются по природе своей от противоречий капитализма”, он не оставил от нее камня на камне. Так как марксизм представляет из себя единое целое, то и гораздо более скромных “новаций” было бы достаточно, чтобы его полностью разрушить. “Природа” противоречий общества определяется тем *движением*, в которое оно вовлечено и только теоретически корректным анализом этого движения можно правильно определить эту природу.

Классические марксистские источники с точностью обозначают последствия, которые влечет за собой развитие отношений найма для общественного устройства: все более заметное отделение государства от гражданского общества (феодалное государство - это детская игрушка по сравнению с тем, которое развивается при капитализме); исход населения из сельской местности и появление больших городов, находящихся в постоянном развитии; все более совершенное разделение труда, порабощающее производителя; растущее противоречие между физическим и умственным трудом; отделение школы от производительного труда; неравноправие мужчины и женщины.

Как уже было видно, троцкистам, которые, тоном взволнованным и патетическим, поверяют нам свой страх увидеть Россию “вернувшейся к капитализму”, мы отвечаем простым утверждением, что она его никогда не покидала. Что сказать теперь ученым невеждам, которые утверждают, что в экономическом отношении Россия осуществляет переход к социализму благодаря своему замечательному производству государством средств производства, которая преодолела капитализм и уже осуществляет нетоварное производство? При всем нашем уважении к этим теоретикам социализма, мы должны им сказать, что они ошиблись поездом. Хорошую услугу оказали бы мы ученому Эрнесту Манделю, если бы, встретив его в купе поезда Париж

- Брюссель, занялись бы убеждением его, что он находится в поезде Брюссель - Париж? Нет, без сомнения, и всякий здравомыслящий человек назвал бы нас хулиганами. К несчастью именно такую злую шутку троцкисты (с Манделем во главе) разыгрывают, или хотели бы разыграть с русским пролетариатом: убедить его, что он едет из Брюсселя в Париж, тогда как его поезд движется в обратном направлении, убедить его, что он движется в направлении - несмотря ни на что - социализма, тогда как его тянут к капитализму, все более сложившемуся и очевидному.

Направление, которое ведет к социализму и направление, которое ведет к капитализму, столь же противоположны друг другу, как и маршруты Париж - Брюссель и Брюссель - Париж. На пути к капитализму пейзаж следующий: наемный труд и денежное обращение постоянно развиваются; движение, которое является душой всех общественных преобразований, может, в этом случае, быть описанным одной простой формулой: “Д-Т-Д”. Государство все больше отделяется от гражданского общества; города развиваются, а деревни становятся безлюдными; разделение труда усиливается, противоречие между умственным и физическим трудом становится более резким, школа отделяется от производства, женщина порабощается мужчиной. На пути к социализму ландшафт коренным образом меняется. Движение становится *обратным* по отношению к тому, которое наблюдали на пути к капитализму: денежное обращение атрофируется и исчезает; государство растворяется в гражданском обществе; различие между сельским хозяйством и промышленностью исчезает, тогда как громадные капиталистические агломерации разрушаются; производственные площади и жилые районы распределяются рационально по территории; разделение труда регрессирует, противоположность между умственным и физическим трудом также стирается, образование более не отделено от производственной деятельности, женщина становится равной с мужчиной.

Даже если не понимаешь как работает локомотив, не надо быть семи пядей во лбу, чтобы понять в каком направлении он движется: достаточно поглядеть на окружающий ландшафт. Если не понимаешь, что в России нет ничего другого, кроме классического производства капиталистических товаров, еще остается возможность не утверждать, что Россия находится “на этапе перехода к социализму”, при условии

знакомства хотя бы с некоторыми элементарными положениями марксистской доктрины. Но троцкизм с ними не знаком. Он не только считает себя идущим к социализму в то время, как он уже давно в компании с “деформированным рабочим государством” катится в противоположном направлении, но еще и (во имя социализма!) имеет наглость бранить машинистов за то, что они движутся недостаточно быстро.

Если Россия и находится “на этапе перехода к социализму” (сохраним эту терминологию, чтобы угодить троцкистам), то исключительно в том же самом смысле, что и все государства планеты: осуществляя накопление капитала и развивая крупные современные средства производства. То, что ее от него сегодня отделяет, так это точно то же самое, что и во всех государствах планеты: государство, принадлежащее тем, кто накапливает капитал и которое должна разрушить коммунистическая революция. Только тогда можно будет начать инверсию исторического процесса, только тогда можно будет начать переход к социализму; нужно попросту заметить по этому поводу, что поскольку монополии янки являются наиболее развитыми и наиболее мощными, то нужно признать, что США сегодня намного ближе к коммунизму, чем Россия.

Заключение

Троцкисты не знают, что такое коммунизм. В то время, когда в СССР постоянно усиливаются все основные черты капиталистического общества, они продолжают заявлять, с комичным самодовольством “что не следует вместе с грязной водой выплескивать и ребенка” и что Россия по-прежнему является “деформированным рабочим государством”. На практике это приводит их в своем международном политическом анализе к откровенной поддержке, в конечном итоге, второго по мощи империализма планеты против первого (а в их политической ориентации, когда они, как, например, во Франции и в Италии, обладают сколько-нибудь заметной численностью, к признанию тактики единого фронта как самого гениального открытия Третьего Интернационала).

Наш вывод чрезвычайно прост: троцкизм должен быть и будет разрушен; революционная партия пролетариата может быть создана

только на базе исторического материализма, исключая любую другую теорию. Именно “догматик” Маркс сказал эту фразу, которую мы с гордостью повторяем еще и сегодня: “Кто не с нами, тот против нас”.

Примечания

1. С тех пор как Троцкий задался вопросом (в статье “Еще и еще раз о природе СССР”) является ли Россия империалистической и, естественно, ответил на него отрицательно, стало традицией троцкистских недоучек снисходительно относиться к марксистам, которые разоблачают русский империализм. Последние немедленно получают следующий ответ: “Империализм - это экспансионистская политика финансового капитала. Однако, в России нет финансового капитала. Следовательно, Россия не является империалистической”. Превосходный вывод, достойный людей, которые рассматривают государственные банки, “народные” или нет, которые предоставляют займы в миллиарды рублей, как институты, “некапиталистический” характер которых находится вне всяких подозрений. Тем не менее, каждый, кто читает газеты, может узнать, что Россия экспортирует капиталы, что она намеревается эксплуатировать, совместно с французским капиталом, будущих рабочих из Фос-сюр-Мер, или что она финансировала строительство сталелитейных заводов в Индии. А если повседневная пресса кажется недостаточным доказательством, можно еще проконсультироваться с официальными изданиями режима. В своих “Принципах политической экономии” (Маркс написал “Критику политической экономии”), опубликованных в Москве в 1966 году, г-н Никитин пишет в главе озаглавленной “Предоставление кредитов” (стр.461): “Советский Союз, например, после второй мировой войны предоставил социалистическим странам займы и кредиты в размере, превышающем 8 миллиардов рублей, кредиты, предполагающие максимум льгот. Тогда как капиталистические страны взимают за предоставляемые кредиты очень высокий процент (от 3,5 до 6%), обставляя предоставление кредитов целым рядом экономических и политических условий,

кредиты, предоставляемые внутри социалистического содружества обычно устанавливаются на уровне от 1 до 2% в год".

2. Превращение "деятельности индивидуумов в меновую стоимость, в деньги" не должно смущать читателя, который знает, что стоимость имеет не "труд", а "рабочая сила". Формула эллиптическая, но не ошибочная, если исходить из того, что если капитал обменивается, в действительности, не на "стоимость труда" (понятие не научное), но на рабочую силу, тогда то, что он покупает у рабочего - это *потребительная стоимость* (его труд), который, как известно каждому, в условиях капитализма имеет свойство производить прибавочную стоимость.

Программа Интернациональной Коммунистической Партии.

Интернациональная Коммунистическая Партия создана на базе следующих принципов, установленных в 1921 г. в Ливорно при создании Коммунистической Партии Италии (секция Коммунистического Интернационала)

1. Постоянно нарастающее противоречие между производительными силами и производственными отношениями развивается в современном капиталистическом обществе, вызывая антагонизм интересов и классовую борьбу между пролетариатом и господствующей буржуазией.

2. Современные производственные отношения защищены властью буржуазного государства. Какова бы ни была форма представительной системы и какова бы ни была форма применения избирательной демократии, буржуазное государство всегда представляет собой орган защиты интересов класса капиталистов.

3. Пролетариат не может ни разбить, ни модифицировать систему капиталистических производственных отношений, из которых и происходит его эксплуатация, не слолив насильственным путем власть буржуазии.

4. Необходимым инструментом революционной борьбы пролетариата является классовая партия. Объединив в своих рядах самую передовую и самую решительную фракцию пролетариата, Коммунистическая партия объединяет усилия трудящихся масс, направляя их от повседневной борьбы за частные интересы и случайные результаты к всеобщей борьбе за революционное освобождение пролетариата. Партия ставит в качестве своей задачи распространение революционной теории в массах, организацию форм и методов действий, руководство рабочим классом в процессе борьбы, обеспечивая историческую преемственность и интернациональное единство движения.

5. После свержения власти капитализма пролетариат сможет организовать в господствующий класс только разрушая старый государственный аппарат и устанавливая свою собственную диктатуру, т.е. лишая всех прав и всех политических функций буржуазию и всех членов буржуазного класса, поскольку они выживут в социальном

плане, и создавая органы нового режима единственно на базе производящего класса. Коммунистическая партия, сущность которой состоит в реализации этой фундаментальной цели, представляет, организует и безраздельно руководит пролетарской диктатурой. Необходимая защита пролетарского государства против всех контрреволюционных попыток может быть обеспечена только лишением буржуазии и партий, враждебных диктатуре пролетариата, всех средств политической агитации и пропаганды и обеспечением пролетариата вооруженной организацией для отражения любого внешнего или внутреннего нападения.

6. Только сила пролетарского государства сможет систематически вмешиваться в общественно-экономические отношения, осуществляя все последовательные меры, которые обеспечат замену капиталистической системы коллективным управлением производства и распределения.

7. Эта трансформация экономики, а, следовательно, всех проявлений общественной жизни, будет иметь следствием постепенное уничтожение необходимости политического государства, аппарат которого будет мало-помалу уменьшаться до аппарата рационального управления человеческой деятельностью.

.....

Позиция партии по отношению к ситуации в капиталистическом мире и в рабочем движении после второй мировой войны базируется на следующих построениях:

8. В первой половине XX века развитие капитализма было свидетелем, в области экономики, появления предпринимательских союзов, объединяющих капиталистов с целью обеспечения своей монополии и попыток контролировать и руководить производством и обменом согласно централизованным планам, вплоть до государственного управления целыми отраслями производства; в политической области, усиления полицейского и военного потенциала государства и тоталитарных форм правления. Речь не идет здесь о новом типе общественной организации, составляющей переход от капитализма к социализму и еще в меньшей степени о возврате к добуржуазным политическим режимам; напротив, речь идет о четких формах еще

более непосредственного и исключительного управления государством самыми развитыми силами капитала.

Этот процесс исключает пацифистские, эволюционистские и прогрессистские интерпретации развития буржуазного строя и подтверждает марксистское предвидение концентрации и антагонистичного противостояния друг другу классовых сил. Для того, чтобы его революционная энергия могла усилиться и сконцентрироваться до соответствующего потенциала, пролетариат должен отвергнуть требования призрачного возврата к демократическому либерализму, также как и требования легальных гарантий и не допускать их как средство агитации; и он должен исторически ликвидировать метод альянсов революционной классовой партии с целью достижения промежуточных целей, осуществляются ли они с буржуазными или мелкобуржуазными партиями или с псевдорбочими партиями с реформистской программой.

9. Мировые империалистические войны показывают, что кризис и распад капитализма действительно неизбежен, что он решительно вошел в период, когда его экспансия не приводит больше, в историческом масштабе, к росту производительных сил, но связывает их накопление с повторяющимися и всевозрастающими разрушениями. Эти войны вызвали многочисленные и глубокие кризисы в недрах всемирной организации трудящихся, потому что господствующие классы смогли навязать им национальную и военную солидарность в одном из двух лагерей империализма. Единственная историческая альтернатива состоит в том, чтобы противопоставить этому положению возобновление классовой борьбы внутри каждой страны, вплоть до гражданской войны трудящихся масс за свержение власти всех буржуазных государств и всемирных коалиций, с восстановлением международной коммунистической партии как самостоятельной силы перед лицом всей организованной политической и военной власти.

10. Пролетарское государство, в той самой мере, в какой его аппарат является инструментом и орудием борьбы в переходную историческую эпоху, черпает свою организационную силу не из конституционных правил и не из какой-либо представительной схемы. Самым высоким историческим выражением такой организации была, до настоящего времени, организация Советов трудящихся, рожденных в ходе русской революции в октябре 1917 года, в период, когда рабочий

класс организовался на военный лад под исключительным руководством партии большевиков и когда в порядке дня было полное завоевание власти, роспуск Учредительного собрания, борьба по отражению внешних нападений буржуазных правительств и по подавлению внутренних мятежей побежденных классов, средних слоев и мелкой буржуазии и оппортунистических партий, которые, в решающий момент, являются неизбежными союзниками контрреволюции.

11. Защита пролетарского режима от опасности перерождения, содержащейся в возможных неудачах и отступлениях в деле общественно-экономической трансформации – полная реализация которой немыслима в пределах одной страны – может быть обеспечена только постоянной координацией между политикой рабочего государства и объединенной интернациональной борьбой, непрекращающейся как в мирный период, так и во время войны пролетариата каждой страны против буржуазии и ее государственного и военного аппарата. Эта координация может быть обеспечена только посредством политического и программного контроля мировой коммунистической партии за государственным аппаратом государства, в котором рабочий класс захватил власть.